

К. МАРКСЪ.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦІИ.

(1870—71 г.).

Съ введеніемъ Ф. ЭНГЕЛЬСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ.

Съ предисловіемъ САНА.

Изданіе „НАША МЫСЛЬ“.

Товарищества
Потребительныхъ Обществъ
ЮГА РОССІИ
1917.

Харьковъ, Кузнецкая 23.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Т-ва Потр. О-въ Юга Россіи. Дѣвичья ул., № 14.
1917.

ВВЕДЕНИЕ.

Приглашеніе переиздать воззваніе Генеральнаго Совѣта Международнаго Товарищества рабочихъ по поводу Гражданской войны во Франціи и снабдить его введеніемъ было для меня неожиданно.

Я могу здѣсь поэтому лишь вкратцѣ затронуть важнѣйшіе пункты.

Я предпосылаю вышеупомянутой крупной работѣ оба краткихъ обращенія Генеральнаго Совѣта по поводу франко-германской войны. Дѣлаю это во первыхъ потому, что въ Гражданской войнѣ есть ссылки на второе обращеніе, которое безъ перваго не вездѣ понятно. А затѣмъ потому, что эти два обращенія, также написанныя Марксомъ, являются не менѣе, чѣмъ „Гражданская война“ выдающимися иллюстраціями удивительнаго, впервые проявившагося въ „18-е Брюмера Луи Бонапарта“, дара автора вѣрно схватывать характеръ, значеніе и необходимыя послѣдствія крупныхъ историческихъ событій въ то время какъ эти событія еще только разыгрываются передъ нашими глазами, или только что кончились. И, наконецъ, потому, что намъ въ Германіи еще понынѣ приходится изнывать подъ гнетомъ предсказанныхъ Марксомъ послѣдствій этихъ событій.

Развѣ не оправдалось то, высказанное въ первомъ обращеніи мнѣніе, что, если оборонительная война Германіи противъ Луи Бонапарта выродится въ завоевательную войну противъ французскаго народа, то Германіи придется вновь пережить тѣ же несчастія—и еще въ большой мѣрѣ, которыя постигли ее послѣ такъ называемыхъ освободительныхъ войнъ? Не имѣли-ли мы еще цѣлыхъ двадцати лѣтъ бисмарковскаго господства, а вмѣсто преслѣдованій демагоговъ—исключительный законъ и травля социалистовъ, съ тѣмъ же полицейскимъ произволомъ, съ той же глубоко возмутительной интерпретаціей закона?

И развѣ не оправдалось буквально предсказаніе, что присоединеніе Эльзаса Лотарингіи „броситъ Францію въ объятія Россіи“ и что послѣ этого присоединенія Германія должна будетъ либо явно стать лакеемъ Россіи, либо послѣ короткаго отдыха начать гото-

виться къ новой войнѣ, и именно „къ расовой войнѣ съ объединенными славянскими и романскими расами“? Не бросило ли присоединеніе Германіей французскихъ провинцій Францію въ объятія Россіи? Не заискивалъ ли напрасно Бисмаркъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ благоволенія царя, не припадалъ ли онъ при этомъ къ стопамъ „святой Руси“ еще болѣе раболѣпно, чѣмъ это имѣла обыкновеніе дѣлать маленькая Пруссія раньше чѣмъ она стала „первой европейской державой“?

И не виситъ ли постоянно надъ нашими головами дамокловъ мечъ войны, которая въ первый же день превратитъ въ прахъ всѣ бумажные союзы сильныхъ міра сего,—войны, относительно которой ничего опредѣленнаго неизвѣстно, кромѣ абсолютной неизвѣстности ея исхода,—войны расовой, которая отдастъ Европу на разграбленіе пятнадцати или двадцати милліонамъ вооруженныхъ солдатъ и которая не разразилась еще до сихъ поръ только потому, что абсолютная невозможность предвидѣть ея результаты внушаетъ нерѣшительность самому сильному изъ крупныхъ военныхъ государствъ?

Тѣмъ болѣе слѣдуетъ поэтому сдѣлать вновь доступными нѣмецкимъ рабочимъ эти полузабытые документы, блестяще свидѣтельствующіе о дальновидности интернаціональной рабочей политики 1870 года.

То, что я сказалъ объ обоихъ обращеніяхъ относится также къ „Гражданской войнѣ во Франціи“. 28-мая послѣдніе защитники Коммуны были въ Бельвиллѣ уничтожены превосходными непріятельскими силами, а черезъ 2 дня, 30 мая, Марксъ прочелъ генеральному совѣту свое произведеніе, въ которомъ онъ въ нѣсколькихъ словахъ очертилъ историческое значеніе Парижской Коммуны; это было сдѣлано съ такой мѣткостью и вѣрностью, какой не достигла вся послѣдующая обширная литература по этому вопросу.

Экономическое и политическое развитіе Франціи съ 1789 г. привело къ тому, что каждая разражавшаяся въ послѣдніе 50 лѣтъ въ Парижѣ революція, принимала съ необходимостью характеръ возстанія пролетаріата. Оплативъ своей кровью побѣду, пролетаріатъ неизбѣжно выступаетъ послѣ нея съ собственными требованіями. Эти требованія обыкновенно были неясны и сбивчивы, въ зависимости отъ степени развитія парижскихъ рабочихъ, но всѣ они, въ концѣ-концовъ, сводились къ уничтоженію классовой противоположности между рабочими и капиталистами. Какъ оно должно произойти, этого они не знали, но уже требованіе, несмотря на его неопредѣленность, заключало въ себѣ опасность для существующаго строя общественнаго; рабочіе, предъявлявшіе это требованіе, были

вооружены, и обезоруженіе ихъ являлось главнѣйшей задачей для правящей буржуазіи. Поэтому за каждой добытой руками рабочихъ побѣдой революціи слѣдовала новая борьба, заканчивавшаяся поражениемъ рабочихъ.

Это произошло въ первый разъ въ 1848 г. Буржуа-либералы, принадлежавшіе къ парламентской оппозиціи, устраивали банкеты для агитаціи за избирательную реформу, которая доставила господство ихъ партіи. Борясь съ правительствомъ, они вынуждены были все чаще апеллировать къ народу и постепенно выдвигать на первый планъ радикальные и республиканскіе элементы буржуазіи и мелкой буржуазіи. За этими стояли революціонные рабочіе, ставшіе съ 1830 г. гораздо больше политически самостоятельными, чѣмъ предполагали о нихъ буржуа, даже принадлежавшіе къ республиканцамъ. Когда произошло столкновение между правительствомъ и оппозиціей, рабочіе начали уличную борьбу; Луи Филиппъ исчезъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезла и избирательная реформа; вмѣсто нея возникла республика, которая была объявлена побѣдителями рабочими даже социальной. Что надо разумѣть подъ социальной республикой—этого не понималъ никто; не понимали этого и рабочіе. Но они были теперь вооружены и стали силой въ государствѣ. Поэтому первымъ дѣломъ правительства буржуа-республиканцевъ, какъ только оно стало твердо на ноги, было разоруженіе рабочихъ. Это было сдѣлано при іюньскомъ возстаніи, къ которому рабочіе были вынуждены нарушеніемъ даннаго слова, явнымъ издѣвательствомъ и, наконецъ, попыткой выслать всѣхъ безработныхъ въ отдаленныя провинціи. Правительство заранѣе обезпечило себѣ подавляющее превосходство силы, и послѣ пятидневнаго геройскаго сопротивленія, рабочіе были побѣждены. Началось избіеніе беззащитныхъ плѣнныхъ въ размѣрахъ, невиданныхъ со временъ гражданскихъ войнъ, предшествовавшихъ паденію римской имперіи. Буржуазія тогда впервые показала, какъ бѣшено она мститъ пролетаріату, когда онъ осмѣливается выступить противъ нея, какъ особый классъ, съ отдѣльными интересами и требованіями. Но все-таки 1848 годъ оказался дѣтской игрой противъ неистовствъ 1871 года.

Буржуазіи не пришлось долго ждать заслуженнаго наказанія. Если пролетаріатъ *еще* не могъ, то буржуазія *уже* не могла править Франціей, по крайней мѣрѣ, въ то время не могла; тогда она въ большинствѣ была монархической и подраздѣлялась на три династическія партіи и четвертую республиканскую. Ея внутреннія междоусобицы позволили авантюристу Луи Бонапарту захватить всѣ

главнѣйшія орудія силы государства: армію, полицію, администрацію и 2-го декабря 1851 года низвергнуть послѣднюю опору буржуазіи, національное собраніе. Настала вторая имперія—эксплоатація Франціи шайкой политическихъ и финансовыхъ авантюристовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ промышленное развитіе пошло съ такой быстротой, которая была немислима при мелочно-трусливой системѣ Луи Филиппа въ эпоху исключительнаго господства одной лишь небольшой части крупной буржуазіи. Луи Бонапартъ, подъ предлогомъ защиты буржуазіи отъ рабочихъ и рабочихъ отъ буржуазіи, лишилъ капиталистовъ политической власти; но его господство способствовало спекуляціи, промышленному развитію, вообще невиданному до тѣхъ поръ расцвѣту и обогащенію всей буржуазіи въ цѣломъ. Еще больше способствовало оно продажности и ужасному хищничеству, центромъ которыхъ сталъ императорскій дворъ, получившій такимъ образомъ крупный процентъ съ этого обогащенія.

Но вторая имперія являлась призывомъ къ французскому шовинизму, она означала стремленіе къ границамъ первой имперіи, потеряннымъ въ 1841 году, по меньшей мѣрѣ, къ границамъ первой республики. Въ предѣлахъ старой монархіи, вѣрнѣе, въ еще болѣе узкихъ границахъ 1851 года, французская имперія не могла долго существовать. Отсюда необходимость войнъ и расширеніе границъ. Но никакое расширеніе границъ такъ сильно не увлекало фантазію французскаго шовинизма, какъ расширеніе на нѣмецкомъ лѣвомъ берегу Рейна. Одна квадратная миля на Рейнѣ имѣла въ ихъ глазахъ больше цѣны, чѣмъ десять миль въ Альпахъ или гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. При второй имперіи требованіе возврата лѣваго берега Рейна сразу или по частямъ было лишь вопросомъ времени. Это время пришло послѣ австро-прусской войны 1866 года. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ „территоріальнаго вознагражденія“ Бисмаркомъ и своей собственной хитроумной политикой, Наполеонъ долженъ былъ обратиться къ войнѣ: война вспыхнувшая въ 1870 году, привела къ Седану и къ плѣну въ Вильгельмское.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ разгрома была парижская *революція 4-го сентября 1870 г.*; имперія разсыпалась, какъ карточный домикъ, была снова провозглашена республика. Но у воротъ стоялъ непріятель; оставшіяся въ наслѣдство отъ имперіи войска были частью, безъ надежды на освобожденіе, осаждены въ Мецѣ, частью находились въ плѣну въ Германіи. Въ виду крайности народъ позволилъ парижскимъ депутатамъ бывшаго Законодательнаго Корпуса образовать „Правительство Національной Обороны“. На это тѣмъ скорѣе согла-

сились, что теперь всѣ, способные носить оружіе, парижане были, въ цѣляхъ защиты, вооружены и зачислены въ національную гвардію, такъ что теперь рабочіе составляли въ ней большинство. Но вскорѣ выплылъ наружу антагонизмъ между правительствомъ, состоявшимъ почти поголовно изъ буржуа, и вооруженнымъ пролетаріатомъ. 31 октября рабочіе батальоны захватили ратушу и арестовали нѣсколькихъ членовъ правительства. Измѣна, явное нарушеніе слова, даннаго правительствомъ, и вмѣшательство нѣсколькихъ батальоновъ мелкой буржуазіи освободили арестованныхъ; чтобы отвратить международную войну въ осажденномъ городѣ, старое правительство было оставлено у власти.

Наконецъ, измученный голодомъ *Парижъ долженъ былъ сдаться 28-го января 1871 года.* Но онъ сдался на небывалыхъ въ военной исторіи почетныхъ условіяхъ. Форты были сданы, у линейныхъ полковъ и мобилей отобрали оружіе, и сами они сдѣлались военнопленными. Но національная гвардія осталась при оружіи и пушкахъ, она только вступила въ перемиріе съ побѣдителями. Побѣдители не рѣшились войти съ триумфомъ въ Парижъ; они только заняли небольшой уголокъ его, состоявшій почти исключительно изъ общественныхъ садовъ, но и здѣсь они оставались всего два дня! Въ это время они, осаждавшіе Парижъ въ теченіе 131 дня, были сами осаждены вооруженными парижскими рабочими, неусыпно слѣдившими затѣмъ, чтобы ни одинъ „пруссакъ“ не перешагнулъ узкихъ границъ предоставленнаго побѣдителямъ уголка. Такъ велика была степень уваженія къ парижскимъ рабочимъ со стороны того самаго войска, передъ которымъ сложили оружіе всѣ арміи имперіи! Прусскіе юнкера, пришедшіе для того, чтобы посчитаться съ очагомъ революціи, принуждены были остановиться передъ этой вооруженной революціей и салютовать ей!

Во время войны парижскіе рабочіе настаивали лишь на энергичномъ продолженіи борьбы. Когда послѣ сдачи Парижа былъ заключенъ миръ, Тьеръ, глава новаго правительства, увидѣлъ; что пока парижскіе рабочіе будутъ вооружены, господство имущихъ классовъ—крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ—будетъ непрочно. Первое, чѣмъ онъ себя заявилъ, это была попытка обезоружить ихъ. *18 марта онъ послалъ линейныя войска захватить артиллерію національной гвардіи, снаряженную во время осады на общественный счетъ по подпискѣ.* Попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Парижъ весь поголовно взялся за оружіе, и началась война между Парижемъ и французскимъ правительствомъ, бѣжавшимъ въ

Версаль. 26-го марта была выбрана и 28-го провозглашена Парижская Коммуна. Центральный комитетъ національной гвардіи, имѣвшій до тѣхъ поръ власть и успѣвшій уже уничтожить безобразную „полицію нравовъ“, передалъ свои полномочія Коммунѣ. 30 марта Коммуна уничтожила конскрипцію и постоянную армію и объявила національную гвардію единственной вооруженной силой, причемъ въ составъ національной гвардіи входили всѣ, способные носить оружіе; она отмѣнила квартирную плату съ октября 1870 г. по апрѣль 1871 г., а уплоченныя уже домовладѣльцамъ деньги отнесла на счетъ будущей платы; она приостановила также продажу вещей, заложенныхъ въ городскомъ ломбардѣ. Въ тотъ же день были утверждены въ своемъ званіи выбранные въ Коммуну иностранцы, такъ какъ „Знамя Коммуны есть знамя всемірной республики“. 1 апрѣля было установлено, что жалованье для служащихъ Коммуны, т. е., для ея собственныхъ членовъ, не должно превышать 6000 фр. (менѣе 2400 р.). На слѣдующій день было объявлено отдѣленіе церкви отъ государства, отмѣна государственныхъ расходовъ въ пользу религіи и превращеніе въ національную собственность всего церковнаго имущества, а 8-го апрѣля было рѣшено и постепенно осуществлялось удаленіе изъ школъ религіозныхъ символовъ, образовъ, молитвъ и пр., однимъ словомъ „всего того, что относится къ совѣсти отдѣльныхъ лицъ“. 5-го апрѣля въ виду разстрѣливанія версальскими войсками плѣнныхъ защитниковъ Коммуны, былъ изданъ декретъ объ арестѣ заложниковъ, который никогда цѣлкомъ не былъ приведенъ въ исполненіе. 6-го апрѣля, при всеобщемъ ликованіи, 137-мъ баталіономъ національной гвардіи была вытащена и публично сожжена гильотина. 15-го апрѣля было рѣшено разрушить Вандомскую колонну, вылитую Наполеономъ послѣ войны 1809 г. изъ непріятельскихъ пушекъ, и являющуюся символомъ шовинизма и національной вражды. 16-го мая это было приведено въ исполненіе. 16-го апрѣля Коммуна приказала переписать остановленные фабрикантами фабрики и разработать планъ для ихъ эксплуатированія кооперативными товариществами рабочихъ, работавшихъ въ этихъ фабрикахъ и для объединенія этихъ товариществъ въ одинъ союзъ. 20-го апрѣля была отмѣнена ночная работа булочниковъ, и уничтожены конторы для приискиванія работы, составлявшія со времени второй имперіи монополію назначавшихся полиціей личностей (перво-разрядныхъ эксплуататоровъ рабочихъ). Приисканіемъ работы стали руководить мэріи 21-ти округовъ Парижа. 30-го апрѣля были уничтожены ссудныя кассы являвшіяся средствомъ

эксплуатации работников и противорѣчившія праву этихъ послѣднихъ на ихъ орудія труда и на ихъ кредитъ. 5-го мая было постановлено уничтожить часовню, построенную во искупленіе казни Людовика XVI.

18-го марта рѣзко и рѣшительно проявился классовый характеръ парижскаго движенія, мало замѣтный до тѣхъ поръ, вслѣдствіе борьбы съ непріателемъ. Коммуна состояла почти изъ однихъ рабочихъ или сторонниковъ рабочаго класса, поэтому ея постановленія отличались рѣшительно пролетарскимъ характеромъ. Коммуна объявила частью такія реформы, которыхъ лишь по своей трусости не провела республиканская буржуазія, но которыя были основнымъ условіемъ для свободной дѣятельности рабочаго класса, напр., осуществленіе принципа, что религія *по отношенію къ государству* есть частное дѣло; или же это были реформы, непосредственно связанныя съ интересами рабочаго класса и, отчасти глубоко подрывавшія старый общественный порядокъ. Но городъ былъ осажденъ, поэтому могли быть сдѣланы только первые шаги. Уже съ начала мая всѣ силы уходили на борьбу со все прибавлявшимися войсками версальскаго правительства.

7-го апрѣля версальцы захватили переправу черезъ Сену у Нельи, на западномъ фронтѣ Парижа; но 11-го апрѣля генераль Эдъ нанесъ имъ пораженіе при ихъ нападении на южный фронтъ. Тѣ же люди, которые клеймили бомбардировку Парижа пруссаками, какъ святотатство, бомбардировали Парижъ. И эти же люди умоляли прусское правительство вернуть поскорѣе французскихъ солдатъ, плѣненныхъ при Седанѣ и Мецѣ, для того, чтобы завоевать Парижъ. Постепенное возвращеніе этихъ войскъ дало версальцамъ въ началѣ мая рѣшительный перевѣсъ. Это стало яснымъ уже 23 апрѣля, когда Тьеръ прекратилъ переговоры объ обмѣнѣ парижскаго архіепископа и цѣлаго ряда другихъ поповъ, задержанныхъ въ Парижѣ заложниками на одного Бланки, избраннаго уже два раза въ Коммуну, но заключеннаго въ Клерво. Яснѣе это обнаружилось въ тонѣ рѣчей Тьера; будучи до тѣхъ поръ сдержанъ и двусмысленъ, онъ теперь сталъ вдругъ дерзокъ, грубъ и угрожающъ. 3-го мая версальцы заняли на южномъ фронтѣ редутъ Мулень-Сакэ, 9-го—превращенный бомбардировкой въ развалины фортъ Исси, 14-го—Вандъ. На западномъ фронтѣ они постепенно продвинулись до главной линіи укрѣпленій, занимая многочисленныя мѣстности и деревни, доходящія до городской стѣны. 21 мая, благодаря измѣнѣ и вслѣдствіе нерадивости стоявшей вѣдь національ-

ной гвардіи, *они вошли въ городъ*. Пруссаки, занимавшіе сѣверные и восточные форты, позволили версальцамъ захватить мѣстность къ сѣверу отъ столицы, недоступную для нихъ, согласно условіямъ перемирія, и, такимъ образомъ, атаковать городъ съ той стороны, гдѣ онъ былъ всего менѣе защищенъ, такъ какъ тамъ никто не ожидалъ нападенія. Западная часть города, составлявшая городъ роскоши, сопротивлялась слабо. Это сопротивленіе становилось тѣмъ упорнѣе и сильнѣе, чѣмъ больше войска вдавались въ восточную половину столицы, въ рабочій городъ. Лишь послѣ восьмидневной борьбы пали послѣдніе защитники Коммуны на высотахъ Бельвиля и Менильмонта; убійство безоружныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей достигло теперь своего апогея, Версальцы свирѣпствовали цѣлую недѣлю. Усовершенствованное ружье дѣйствовало недостаточно быстро, за то митральезы убивали цѣлыя сотни за разъ. Le mur de fédérés (стѣна федератовъ т. е. коммунаровъ) на кладбищѣ „Père Lachaise“, гдѣ произошло послѣднее избіеніе, стоитъ еще и теперь, какъ нѣмой, но многоговорящій свидѣтель бѣшенства, охватывающаго господствующій классъ, когда пролетаріатъ рѣшается выступить въ защиту своихъ правъ. Затѣмъ начались массовые аресты, такъ какъ оказалось невозможнымъ, въ концѣ концовъ перебить всѣхъ арестованныхъ. Изъ рядовъ плѣнныхъ произвольно выбирали отдѣльныя жертвы и разстрѣливали; остальныхъ же отводили въ большой лагерь, гдѣ они должны были ждать военного суда. Прусскимъ войскамъ, окружавшимъ Парижъ съ сѣверо-востока, было приказано не пропускать ни одного бѣглеца, но офицеры нерѣдко смотрѣли сквозь пальцы, когда солдаты повиновались больше чувству гуманности, чѣмъ своему начальству. Особенно прославился своей гуманностью саксонскій армейскій корпусъ, пропустившій многихъ лицъ, бывшихъ, очевидно, борцами Коммуны.

Если теперь, спустя 20 лѣтъ, взглянуть на дѣятельность и историческое значеніе Парижской Коммуны, то мы увидимъ, что изложеніе „Гражданской войны во Франціи“ нуждается въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ.

Члены Коммуны раздѣлялись на двѣ партіи: большинство, къ которому принадлежали бланкисты, господствовашіе и въ Центральномъ Комитетѣ національной гвардіи, и меньшинство, образовавшееся изъ членовъ Международнаго Товарищества Рабочихъ — преимущественно послѣдователей Прудона. Бланкисты были тогда социалистами большею частью лишь по революціон-

ному, пролетарскому инстинкту; только немногие из них поднялись до более яснаго пониманія принципвъ, благодаря Валяну, знавшему нѣмецкій научный социализмъ. Понятно, поэтому, что Коммуна упустила въ области экономическихъ отношеній много такого, что, по нашимъ теперешнимъ понятіямъ, необходимо было сдѣлать. Труднѣ всего понять теперь ея благоговѣніе передъ банкомъ Франціи. Это было и политически крупной ошибкой. Банкъ въ рукахъ Коммуны имѣлъ больше значенія, чѣмъ 10.000 заложниковъ. Завладѣй она имъ, вся французская буржуазія начала бы оказывать давленіе на версальское правительство въ интересахъ мира съ Коммуной. Но еще болѣе поразительно то обстоятельство, что Коммуна, состоявшая изъ бланкистовъ и прудонистовъ, часто поступала, несмотря на это, совершенно правильно. Понятно, что прежде всего прудонисты отвѣтственны за экономическіе декреты Коммуны, какъ за ихъ достоинства, такъ и за ихъ недостатки. За политическія же ея дѣйствія и ошибки—бланкисты. Какъ обыкновенно бываетъ, когда власть попадаетъ къ доктринерамъ, и тѣ и другіе дѣлали, по ироніи исторіи, какъ разъ противоположное тому, что имъ предписывала ихъ школьная доктрина.

Прудонъ, проповѣдывавшій социализмъ мелкаго крестьянства и ремесленниковъ, прямо-таки ненавидѣлъ ассоціацію. Онъ говорилъ, что въ ней больше дурного, чѣмъ хорошаго, что она бесполезна по своей природѣ, что она даже вредна, какъ всякая цѣпь, наложенная на свободу рабочаго: что это—пустая догма, бесполезная и нелѣпая, противорѣчащая не только свободѣ рабочаго, но и принципу бережливости въ трудѣ, что ея дурныя стороны перевѣшиваютъ ея пользу; въ сравненіи съ ней конкуренція, раздѣленіе труда, частная собственность являются полезными экономическими силами. Ассоціацію можно допустить только въ области крупной промышленности и крупныхъ предпріятій, каковы желѣзныя дороги; но эта область, по мнѣнію Прудона, составляла лишь исключеніе. (См. *Idée générale de la Revolution, 3 étude*).

Въ 1871 году крупная промышленность перестала быть исключеніемъ даже въ Парижѣ, этомъ центрѣ ремесленнаго производства изящныхъ издѣлій; она стала настолько распространенной, что самымъ важнымъ декретомъ Коммуны предписывалась такая организация крупной промышленности и даже мануфактуры, для которой не только требовались рабочія ассоціаціи на каждой данной фабрикѣ, но и нужно было объединить всѣ отдѣльныя ассоціаціи въ одинъ большой союзъ. Такая организация, какъ Марксъ справедливо за-

мѣтилъ въ „Гражданской войнѣ“, съ необходимостью вела къ коммунизму, къ прямой противоположности прудонизма. Вотъ почему Коммуна была могилой прудоновской социалистической школы. Эта школа теперь не имѣетъ привѣрженцевъ во французскихъ рабочихъ кружкахъ: здѣсь полновластно царитъ теорія Маркса, какъ между „поссибилистами“, такъ и между „марксистами“. Прудонисты попадаютъ еще только между „радикальными“ буржуа.

Нѣчто подобное произошло и съ бланкистами. Воспитанные въ школѣ заговорщичества и привыкшіе къ строгой дисциплинѣ заговора, они думали, что сравнительно небольшое число смѣлыхъ, хорошо организованныхъ людей, можетъ, при благопріятно сложившихся обстоятельствахъ, захватить власть и удержать ее въ своихъ рукахъ при помощи самыхъ энергичныхъ и рѣшительныхъ мѣръ до тѣхъ поръ, пока не удастся привлечь народъ на сторону революціи и сгруппировать его вокругъ небольшой кучки вожаковъ. Чтобы такое дѣло удалось, нужна была раньше всего диктаторская централизація всей власти въ рукахъ новаго революціоннаго правительства. Что же сдѣлала Коммуна, въ которой большинство состояло изъ бланкистовъ? Она выпустила воззванія къ провинціямъ Франціи, въ которыхъ она приглашала всѣ Коммуны свободно соединиться съ Парижемъ въ одну національную организацію, организацію, впервые созданную дѣйствительно самой націей. Постоянная армія, политическая полиція, чиновничество—вся эта гнетущая сила стараго централизованнаго правительства, созданная Наполеономъ въ 1798 году и какъ удобное орудіе охотно направляемая съ тѣхъ поръ каждымъ новымъ правительствомъ противъ его враговъ, должна была всюду пасть, какъ она пала въ Парижѣ.

Коммуна должна была съ самаго начала признать, что рабочій класъ, достигнувъ власти, не можетъ пользоваться для своихъ цѣлей старой государственной машиной; что если этотъ класъ не хочетъ потерять только что завоеванное господство, онъ долженъ, во первыхъ, устранить весь старый, направлявшійся до тѣхъ поръ противъ него самого, механизмъ угнетенія, съ другой—обезопасить себя со стороны своихъ собственныхъ служащихъ и уполномоченныхъ—обезопасить тѣмъ, чтобы ихъ можно было въ любое время и всѣхъ безъ исключенія смѣщать. Въ чемъ состояла до сихъ поръ характерная особенность государства? Простымъ раздѣленіемъ труда общество создало себѣ особые органы для защиты своихъ интересовъ. Но со временемъ эти органы и первый среди нихъ—государственная власть, служа своимъ частнымъ интересамъ, стали изъ

слугъ общества его повелителями. Такое явленіе происходитъ не только въ наслѣдственныхъ монархіяхъ, но и въ демократическихъ республикахъ. „Политики“ нигдѣ въ мірѣ не пользуются такимъ вліяніемъ и нигдѣ настолько не обособлены отъ прочаго населенія, какъ въ Сѣверной Америкѣ. Тамъ каждая изъ двухъ большихъ партій, смѣняющихъ другъ друга у кормила правленія, управляется въ свою очередь людьми, которые изъ политики сдѣлали себѣ гешефтъ; они спекулируютъ на мѣста въ законодательныхъ собраніяхъ союза или отдѣльныхъ штатовъ, или живутъ агитаціей въ пользу своей партіи и вознаграждаются какой нибудь должностію послѣ ея побѣды. Извѣстно, сколько усилій въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ затратили американцы, чтобы свергнуть это ставшее невыносимымъ иго, и какъ, несмотря на это, они все болѣе погружались въ болото продажности. Именно въ Америкѣ лучше всего видно, какъ государственная власть становится независимой отъ того самаго общества, орудіемъ котораго она въ сущности является. Тамъ нѣтъ ни династій, ни постоянного войска, исключая кучки солдатъ, наблюдающихъ за индѣйцами, нѣтъ бюрократіи съ обезпеченными мѣстами и пенсіями. И все же тамъ мы видимъ, какъ двѣ большихъ шайки политическихъ спекулянтовъ, попеременно владѣютъ государственной властью и эксплуатируютъ ее самымъ грязнымъ образомъ для самыхъ грязныхъ цѣлей,—а нація стоитъ безсильной передъ этими двумя большими союзами политиковъ, которые, якобы находятся у нея на службѣ, а въ дѣйствительности грабятъ ее и господствуютъ надъ нею.

Противъ этого превращенія государственныхъ органовъ изъ слугъ общества въ его повелителей, неизбежно происходившаго во всѣхъ существовавшихъ до сихъ поръ государствахъ, Коммуна приняла двѣ самыя надежныя мѣры. Первая: всѣ должности—учительскія, судебныя, административныя, замѣщались посредствомъ выборовъ, причѣмъ выбирали всѣ тѣ, которые были заинтересованы въ исполненіи данныхъ обязанностей: они же имѣли право въ любое время смѣстить своихъ ставленниковъ. Вторая: всѣ служащіе въ Коммунѣ, и низшіе и высшіе, получали жалованье, не превышавшее заработной платы рабочаго. Высшій размѣръ жалованья не превышалъ 600 фр. Такимъ путемъ былъ положенъ конецъ карьеризму и погонѣ за мѣстами, даже безъ помощи императивныхъ мандатовъ, которыми представители народа снабжались отъ своихъ избирателей, и которые, въ сущности, были лишніи.

Въ третьемъ отдѣлѣ „Гражданской войны“ подробно описывается это уничтоженіе старой государственной власти и замѣна ея новою, истинно демократическою. Но мы считали необходимымъ еще разъ подчеркнуть здѣсь нѣкоторыя черты этого процесса, потому что именно въ Германіи суевѣрная вѣра въ государство перешла изъ философіи въ число привычныхъ идей буржуазіи и даже многихъ рабочихъ. Германская философія представляетъ себѣ государство, какъ „осуществленіе идей“ или какъ переведенное на философскій языкъ „царство божіе на землѣ“ какъ область, въ которой осуществляется или должна осуществляться вѣчная истина и справедливость. Отъ этого происходитъ суевѣрное почтеніе къ государству и ко всему болѣе или менѣе связанному съ государствомъ; это почтеніе тѣмъ болѣе сильно, что люди, уже съ колыбели, проникаются убѣжденіемъ, что невозможно вести общественныя дѣла и отстаивать интересы всего общества иначе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, т. е. при помощи государства и его хорошо оплачиваемыхъ чиновниковъ.

Нерѣдко считаютъ необыкновенно смѣлымъ шагомъ отказъ отъ вѣры въ наследственную монархію и принятіе въ свою программу демократической республики. Въ дѣйствительности же государство есть не что иное, какъ орудіе угнетенія одного класса другимъ; это относится къ демократической республикѣ не менѣе, чѣмъ къ монархіи. Въ лучшемъ случаѣ, *государство есть зло, которое пролетаріатъ, одержавшій побѣду въ борьбѣ за классовое господство, получитъ себѣ въ наследство*. Пролетаріату неизбѣжно придется такъ же, какъ и парижской коммуны, немедленно урѣзать, насколько только возможно, худшія стороны этого зла, пока новое поколѣніе, выросшее въ новомъ, свободномъ общественномъ строѣ, окажется въ силахъ отдѣлаться отъ всего этого хлама какихъ бы то ни было государственныхъ учреждений.

Въ послѣднее время нѣмецкій филистеръ опять начинаетъ испытывать спасительный ужасъ при словахъ: *диктатура пролетаріата*. Хотите ли знать, милостивые государи, что такое эта диктатура? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетаріата.

Ф. Энгельсъ.

ЛОНДОНЪ,

въ день двадцатой годовщины Парижской Коммуны 18 марта 1891 года.

Предисловіе къ 3-му изданію.

Въ грозные дни, переживаемые Россіей въ 1917 г., во время міровой войны, мы невольно вспоминаемъ дни, пережитые Франціей въ 1870—71 г.г., во время франко-прусской войны. Геніальный анализъ прошлаго, данный Марксомъ въ этой книжкѣ, можетъ намъ служить руководствомъ для пониманія настоящаго и будущаго. Марксъ предсказывалъ, что „настоящая война (т. е. война между Франціей и Германіей 1870 г.) поведетъ къ войнѣ между Россіей и Германіей, и такая война № 2 сыграетъ по отношенію къ неизбѣжной русской соціальной революціи роль повивальной бабки“ *). Эти слова оказались пророческими.

Русская революція началась въ атмосферѣ войны, вслѣдствіе военныхъ неудачъ и экономической разрухи. Старая власть, объединила противъ себя всю страну—и буржуазію и пролетаріатъ. Это было своего рода „священное“ единеніе во имя обороны отъ внутренняго врага. Царская монархія не нашла ни одного защитника въ странѣ. Великій переворотъ совершился безболѣзненно, почти безкровно. Но на другой же день послѣ этого переворота классовое единеніе уступило мѣсто классовой борьбѣ.

Иначе не могло быть. Русская буржуазія не хотѣла революціи, но присоединилась къ ней, когда она стала фактомъ. Она знала, что революція не можетъ способствовать успѣшному продолженію войны. Она оказалась въ эти дни невольной союзницей демократіи, которая пугала ее больше, чѣмъ предательская старая власть. Буржуазія заключила союзъ съ этой властью еще послѣ революціи 1905 г. Эта революція развивалась подъ соціалистическимъ флагомъ. Тогда говорили о непрерывности ея, о томъ, что она перенесется на всю Европу и будетъ прологомъ „міровой побѣды Труда“.

*) „Письма къ Зорге“, стр. 20.

Неудивительно, что испуганная буржуазия бросилась тогда же въ объятія реакціи и стала на тотъ путь, который долженъ былъ привести и привелъ къ предательству страны. Реакція, наступившая въ Россіи, имѣла международное значеніе. Внутренніе союзники— русская буржуазія и русскій царизмъ—нашли общій языкъ въ вопросахъ внѣшней политики.

„Чѣмъ отмѣчено то новѣйшее политическое развитіе культурнаго міра, въ которое вдвинута Россія?“,—спрашивалъ П. Б. Струве въ одной изъ своихъ статей и отвѣчалъ:—„съ одной стороны соперничествомъ между двумя величайшими европейскими державами Англійей и Германіей, съ другой стороны неудержимымъ торжествомъ демократіи, коренящимся во всей экономической и соціальной эволюціи. Таково то международное политическое положеніе, въ которое поставлена внутренняя политическая реакція, восторжествовавшая въ Россіи. Демократія побѣждаетъ по всей линіи въ культурномъ мірѣ, универсальный духъ свободы окружаетъ со всѣхъ сторонъ русскую реакцію“ *). П. Струве думалъ, что русская реакція изолирована, но онъ былъ не правъ.

Демократія, дѣйствительно, одерживала большія побѣды на западѣ. Господству стараго режима угрожала опасность и въ Англии и во Франціи и въ Германіи. Росло рабочее движеніе, классовая борьба развивалась и углублялась. Пролетаріатъ всей Европы съ надеждой смотрѣлъ на русскую революцію, освободительницу всего міра. Но этимъ надеждамъ былъ нанесенъ ударъ послѣ 1906 г. и разгромъ русской революціи былъ пораженіемъ европейской демократіи. Нужно было закрѣпить побѣду, и правительства всѣхъ странъ закрѣпили ее договорами и соглашениями между собою. Внутренняя политика вездѣ была подчинена внѣшней политикѣ. Соціальные реформы были замѣнены бряцаніемъ оружія. Буржуазная Европа привѣтствовала русскую реакцію, какъ надежную союзницу. Русская реакція вовсе не была изолированной.

Міровая война разъединила европейскую буржуазію, но въ то же время она объединила ее противъ международной демократіи. Правящіе классы воюющихъ странъ, вооружаясь другъ противъ друга, вооружались вмѣстѣ съ тѣмъ противъ народовъ своихъ же странъ. Недалекое будущее вскроетъ причины войны, и мы увидимъ, что желаніе поставить крестъ надъ ростомъ демократическаго движенія въ каждой странѣ было одной изъ главныхъ причинъ. Виль-

*) П. Струве сборникъ „Patriotica“. ст. „Политика внѣшняя и политика внутренняя.“

гельмъ, Пуанкаре, Эдуардъ и Николай II преслѣдовали независимо другъ отъ друга одну и ту же цѣль. И этотъ международный заговоръ удался вполнѣ. Реакція укрѣплялась въ каждой странѣ, и накануне, и во время войны. Народныя свободы поколебались даже тамъ, гдѣ онѣ казались непоколебимыми. Удачная война могла бы продлить реакціонный режимъ европейскихъ государствъ. Но война оказалась неудачной для обѣихъ сторонъ. Невозможность полной и окончательной побѣды выяснилась и для Германии и для ея противниковъ еще до русской революціи. А русская революція нанесла рѣшительный ударъ международному имперіализму, и на войну до побѣднаго конца теперь уже не надѣется никто.

Съ первыхъ же дней было ясно видно, что вторая русская революція не можетъ остаться русской революціей, развиваясь въ національныхъ рамкахъ. Это сдѣлало учесть и на этомъ основывать тактику революціонной демократіи. Но революціонная демократія этого не учла. Отсюда ошибки за "ошибками", отсюда и бесплодность нашей шестимѣсячной работы.

Въ чемъ была основная ошибка? Въ томъ, что русскому имперіализму мы приписывали самостоятельное значеніе. А между тѣмъ онъ такого значенія не имѣлъ. Россія, отставая въ экономическомъ отношеніи, не нуждалась въ завоеваніяхъ. Если бы у насъ были проведены широкія демократическія реформы, если бы первая революція разрѣшила аграрный вопросъ, то русскій капитализмъ имѣлъ бы богатый рынокъ внутри самой Россіи. Русская буржуазія и не играла активной роли въ международномъ имперіализмѣ. Она сдѣлалась и остается прислужницей англо-французской буржуазіи.

Революціонная демократія отъ Временнаго Правительства добивалась отреченія отъ завоевательныхъ цѣлей. Временное Правительство заявило о своемъ отказѣ, но въ томъ же заявленіи сказало, что оно будетъ соблюдать вѣрность союзникамъ. Русская буржуазія могла отказаться отъ имперіализма, но не отказались бы союзники. Но, если бы отказались союзники, то пришлось бы отказаться и русской буржуазіи. Нужно было вести борьбу съ хозяевами, а не съ прислужниками, не съ Милюковымъ, а съ тѣми, кому онъ клялся въ вѣрности. Воздѣйствовать же на „союзниковъ“ на англо-французское правительство могла только демократія тѣхъ странъ, и вмѣсто того, чтобы связаться съ ней для общей борьбы, мы вели борьбу вокругъ Временнаго Правительства.

Въ апрѣльскіе дни русская революція была сильна. Эта сила заставила неугодныхъ министровъ уйти. Кризисъ власти въ связи съ

уходомъ Милюкова и Гучкова былъ вызванъ давлѣніемъ революціонной демократіи. Никто не подозрѣвалъ тогда, что это былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, кризисъ революціи.

Создалось коалиціонное правительство. Соціалисты не хотѣли входить въ него, но вошли подъ давлѣніемъ буржуазіи. Съ тѣхъ поръ революція пошла на убыль. Первая коалиціонная власть была началомъ упадка революціонной энергіи, потому что инициатива въ вопросахъ внѣшней и внутренней политики перешла къ правительству. Совѣты выразили ему полное и безусловное довѣріе, а сами потеряли возможность вести свою независимую политику.

Энгельсъ въ своемъ предисловіи къ этой книжкѣ говоритъ о бланкистахъ и прудонистахъ: „Когда власть попала къ доктринерамъ и тѣ и другіе дѣлали не то, что имъ предписывала доктрина“.

Такъ вышло и у насъ. Наши соціалисты въ министерствѣ невольно дѣлали не то, что имъ предписывала соціалистическая „доктрина“, не то, что они хотѣли, а то, что съ успѣхомъ могли дѣлать и буржуазные министры. Они не могли вести твердой политики въ интересахъ демократіи.

Всероссійскій съѣздъ совѣтовъ раб. и солд. депутатовъ не нашелъ выхода изъ положенія. Онъ въ своихъ резолюціяхъ осудилъ нерѣшительность Временнаго правительства и выразилъ ему полное довѣріе вмѣстѣ съ тѣмъ. Это было одно изъ многихъ, но неизбѣжныхъ противорѣчій. Довѣріе выражалось всему правительству, а въ правительство входили и кадеты, которые вовсе не раздѣляли демократической программы. Создавали единую власть, способную проводить одну линію въ области внѣшней и внутренней политики. Но создали власть, которая шла по двумъ, другъ друга исключаящимъ линіямъ. Революціонная демократія отказывалась отъ захвата власти, но власть была подчинена контролю органовъ революціонной демократіи. Буржуазные министры подчинялись своей партіи, соціалисты отвѣчали передъ Совѣтами. За спиной объединенной власти создавалось двоевластіе.

Путемъ такихъ противорѣчій былъ разрѣшенъ первый кризисъ. Но такая власть не могла удовлетворить ни буржуазію ни демократію. Сотрудничество представителей двухъ классовъ не удалось. Не было ни общаго языка, ни общей платформы. На долю Временнаго Правительства выпала роль примирительной камеры. Оно, конечно, не могло выполнить и этой роли.

Новый кризисъ былъ неизбѣженъ. Два событія ускорили его. Наступленіе 18 іюня и петроградскіе беспорядки 2—3 іюля имѣли роковое значеніе и для правительства, и для революціи. Послѣ на-

ступленія начались пораженія и *отступленія*. Почти одновременно произошли анархическія выступленія вооруженныхъ массъ. Побѣда контръ-революціи казалась очевидной. Она, дѣйствительно, одержала побѣду, правда, не полную, а частичную. Послѣ усмиренія іюльскихъ мятежниковъ началось новое пониженіе революціонной энергіи. Разочарованныя массы отшатнулись отъ крайней лѣвой и стали отходить къ крайней правой. Росла внѣшняя опасность, росла и анархія въ странѣ. При такихъ условіяхъ родилась вторая коалиція. И буржуазія и демократія выразили довѣріе одному лицу. Керенскій составилъ новое министерство по личному усмотрѣнію. Новые министры были *независимы* отъ своихъ партій. Но партіи оставляли за собой *право отозвать* изъ министерства своихъ представителей. Всѣ видѣли это противорѣчіе, но никто не видѣлъ выхода изъ него. Единства власти не было, и не могло быть, поэтому, ни твердости, ни работоспособности ея. Были опять ею недовольны и справа и слѣва. Съ обѣихъ сторонъ усиливалось движеніе противъ коалиціоннаго правительства. Большевики говорили, что вся власть должна перейти къ пролетаріату. А кадеты хотѣли, чтобы вся власть перешла къ буржуазіи. И на частномъ совѣщаніи членовъ государственной Думы, и на кадетскомъ съѣздѣ открыто высказывались эти надежды. Политическая погода мѣнялась въ ихъ пользу. Военныя неудачи сильно ухудшали эту погоду.

На Московскомъ Совѣщаніи Корниловъ говорилъ, что его программа будетъ принята, если не теперь, то послѣ паденія Риги. „Теперь“, т. е. на Московскомъ Совѣщаніи сочувствіе громаднаго большинства оказалось на сторонѣ революціонной демократіи. Тамъ реакціонная буржуазія и Корниловъ потерпѣли пораженіе. Декларация Чхеидзе показала, что только демократія можетъ подняться на государственную точку зрѣнія. Но единства все таки не получилось. Правая и лѣвая разошлись послѣ Московскаго Совѣщанія и стали на тѣ же позиціи, на которыхъ онѣ стояли и до этого совѣщанія. Правая поняла, что не путемъ совѣщанія, а вооруженной силой можно добиться государственнаго переворота. Пала Рига, и Корниловъ исполнилъ свою угрозу. Оставилъ фронтъ и повелъ войска на завоеваніе революціоннаго Петрограда. Корниловъ помогалъ Вильгельму, такъ же, какъ Тьеръ помогъ Бисмарку противъ революціоннаго Парижа. Страну спасла демократія. Корниловъ хотѣлъ прорвать революціонный фронтъ, но онъ невольно объединилъ его противъ себя. Съ этихъ поръ начался сдвигъ влѣво, такъ-же какъ

послѣ большевистскихъ выступленій въ іюльскіе дни начался сдвигъ вправо.

Большевики до выступленія Корнилова отказались отъ лозунга— *Вся власть Советамъ*. Потомъ опять выдвинули его. Кадеты мечтавшіе о захватѣ власти, потомъ отказались отъ этой мечты. И страна стояла снова передъ вопросомъ:—Коалиціонное или однородное правительство? Это должна была рѣшить всероссійская демократія. Но это не удалось ей.

Классовыя противорѣчія въ этой революціи настолько глубоки, что не можетъ быть рѣчи о классовомъ сотрудничествѣ. Во Франціи и Англии могли работать вмѣстѣ представители буржуазіи и демократіи. Въ Россіи не могутъ. Тамъ была объединяющая идея. Здѣсь нѣтъ такой идеи.

Оборона страны могла быть общей цѣлью всей націи, но война съ Германіей ведется не только съ цѣлью обороны. На языкѣ нашихъ либераловъ и ихъ западныхъ союзниковъ оборона означаетъ „войну до побѣднаго конца“. А отъ этой формулы отказались даже наши оборонцы, кромѣ Плеханова и плехановцевъ. Въ Англии и Франціи коалиціонная власть держалась прочно и долго, а у насъ она держится шатко и по-нѣскольку дней. Верхніе слои рабочихъ Англии и Германіи всегда извлекали матеріальныя выгоды изъ имперіалистской политики. Капиталисты, легко эксплуатирующіе малокультурное населеніе колоній, отсталыхъ странъ, легче идутъ навстрѣчу повышеннымъ требованіямъ рабочихъ своей страны. Временныя матеріальныя выгоды, связанныя съ имперіализмомъ, отвлекаютъ вниманіе рабочихъ отъ конечной цѣли. Тамъ значительная часть демократіи заинтересована въ побѣдѣ. Ни одна часть русской демократіи не заинтересована въ этомъ. Тамъ объединенныя правительства возникли въ результатѣ классового единенія, здѣсь—въ результатѣ классовой борьбы. Коалиціонная власть въ Россіи не могла поэтому сказать рѣшительнаго слова ни въ пользу войны ни въ пользу мира. Въ теченіе шести мѣсяцевъ мы слышали отъ нея половинчатыя, неясныя и двусмысленныя заявленія. И новая коалиція не можетъ пойти дальше первыхъ.

Не можетъ управлять страной и однородная демократическая власть. О Россіи можно теперь сказать тоже самое, что сказалъ Энгельсъ о Франціи, когда онъ писалъ свое предисловіе къ этой книжкѣ. Буржуазія уже править не можетъ, а демократія еще не можетъ править. Въ этомъ вся трагедія переживаемаго времени.

Россія самая отсталая страна и въ экономическомъ и въ политическомъ отношеніи. И на долю пролетаріата этой страны выпала

международная задача. Русскій царизмъ былъ *цитаделью* реакціонной буржуазіи всѣхъ странъ. И буржуазія всѣхъ странъ кровно заинтересована теперь въ возстановленіи въ томъ или иномъ видѣ этой разрушенной цитадели. Выступленіе Корнилова, поэтому, и встрѣтило сочувствіе въ реакціонныхъ кругахъ запада. Эта опасность пока прошла, но еще не совсѣмъ ликвидирована. И если бы въ Россіи осуществилась диктатура пролетаріата, то буржуазія всей Европы вооружилась бы противъ Россіи.

Парижскій пролетаріатъ былъ вынужденъ взять власть въ свои руки. Другого выхода у него не было. А въ Россіи идутъ къ захвату власти въ тотъ моментъ, когда еще не исчерпаны всѣ средства для спасенія страны. Парижскіе коммунары возстали противъ французской буржуазіи, и она затопила ихъ въ крови помощью Бисмарка. Россійскіе „коммунары“ спѣшатъ возстать противъ европейской буржуазіи, которая затопитъ ихъ въ крови помощью Гинденбурга.

Въ Корниловскіе дни опасность россійской „коммуны“ была близка. „Идетъ большевикъ“, „Ленинъ приближается“.— писали и говорили кругомъ. Но большевикъ не пришелъ, Ленина не приблизило даже Демократическое совѣщаніе, которое созывалось въ атмосферѣ широкаго сочувствія къ большевизму. На первомъ же засѣданіи демократическаго парламента выяснилось, что большинство враждебно относится къ ленинской идеѣ, къ диктатурѣ „рабочихъ, солдатъ и крестьянъ“. Такая диктатура, какъ видно, оттолкнула бы отъ революціи всю мелкобуржуазную демократію, вызвала бы въ странѣ гражданскую войну, значительно облегчила бы задачу будущаго Корнилова, укрѣпила бы міровую реакцію и кровавое дѣло имперіалистовъ всѣхъ странъ.

Коалиція нужна Россіи только для предотвращенія эксцессовъ и гражданской войны. Но никакой положительной программы коалиція не проведетъ, потому что всякій рѣшительный шагъ въ интересахъ демократіи будетъ встрѣчать рѣшительное противодѣйствіе со стороны международной буржуазіи. Русская революція можетъ развиваться только въ связи съ революціоннымъ движеніемъ на западѣ. И наша революціонная демократія должна найти своихъ международныхъ союзниковъ.

— „Коммуна являлась международной въ полномъ смыслѣ слова. Предъ лицомъ прусской арміи, присоединившей къ Германіи двѣ французскія провинціи, коммуна присоединила къ Франціи рабочихъ всего міра“—говоритъ Марксъ въ этой книжкѣ. А все-таки французскій пролетаріатъ оказался одинокимъ въ своей борьбѣ

и потерпѣлъ жестокое пораженіе. Русская революція является международной въ полномъ смыслѣ слова. Она присоединила къ Россіи рабочихъ всего міра. Но пока это присоединеніе выражается только въ привѣтствіяхъ и резолюціяхъ, мы не имѣемъ основанія думать, что та коммуна, къ которой ведутъ російскіе бланкисты, не кончится такимъ же жестокимъ пораженіемъ.

Французскій социалистъ Гедъ сказалъ послѣ паденія коммуны: — „Знамя, выпавшее изъ рукъ парижскихъ пролетаріевъ, будетъ поднято пролетаріями всѣхъ странъ“. Слова Гедъ оправдались. Черезъ 20 лѣтъ послѣ подавленія парижской коммуны въ Парижѣ собрался первый конгрессъ, на которомъ представители пролетаріата всѣхъ странъ подняли знамя классовой борьбы. Прошло 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, началась міровая война, и знамя, поднятое пролетаріями всѣхъ странъ, выпало изъ ихъ рукъ, а въ первую очередь, изъ рукъ французскихъ пролетаріевъ, и ихъ стараго вождя—Гедъ. Революціонная демократія Россіи подняла вновь это знамя черезъ три года послѣ міровой катастрофы. И она удержитъ его въ своихъ рукахъ *только* при поддержкѣ международной демократіи.

Санъ.

Г. Харьковъ, 1917 г.

Членамъ Международнаго товарищества рабочихъ въ Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ.

I.

Первое воззваніе Генеральнаго Совѣта по поводу франко-германской войны.

Въ воззваніи нашей ассоціаціи отъ ноября 1864 года мы говорили: „Если освобожденіе рабочаго класса предполагаетъ братское единеніе въ его рядахъ и тѣсную совмѣстную работу,—то какъ можетъ рабочій классъ выполнить эту великую миссію, пока внѣшняя политика, преслѣдуя преступныя цѣли, раздуваетъ національные предрасудки и въ грабительскихъ войнахъ проливаетъ кровь народа и расточаетъ его имущество?“ И мы характеризовали внѣшнюю политику, которой добивается Интернаціональ, въ слѣдующихъ словахъ: „Тѣ же законы нравственности и справедливости, которые должны регулировать отношенія между частными людьми, должны стать высшими законами, регулирующими и международныя отношенія“.

Неудивительно, что Луи Бонапартъ, который свою власть узурпировалъ посредствомъ эксплуатаціи классовой борьбы во Франціи и продлилъ посредствомъ ряда внѣшнихъ войнъ,—съ самаго начала относился къ Интернаціоналу, какъ къ самому опасному врагу. Наканунѣ плебисцита онъ устраиваетъ походъ противъ членовъ распорядительныхъ комиссій Международной Рабочей Ассоціаціи въ Парижѣ, Ліонѣ, Руанѣ, Марсели, Брестѣ, словомъ во всей Франціи, подъ тѣмъ предлогомъ, что Интернаціональ является тайнымъ обществомъ и готовитъ заговоръ съ цѣлью убить его; нелѣпость этой выдумки была вскорѣ раскрыта его собственными судьями. Въ чемъ же состояло дѣйствительное преступленіе французскихъ секцій Интернаціонала? Въ томъ, что онѣ открыто говорили французскому народу: голосовать за плебисцитъ значитъ голосовать за внутренній деспотизмъ и за внѣшнюю войну. И дѣйствительно, дѣломъ ихъ рукъ было то, что во всѣхъ большихъ городахъ, во всѣхъ промышленныхъ центрахъ Франціи рабочій классъ, какъ одинъ человекъ,

возсталъ противъ плебисцита. Къ несчастью, голоса рабочихъ были подавлены, въ виду глубокаго невѣжества сельскихъ округовъ. Биржи, кабинеты державъ, господствующіе классы и почти вся европейская пресса торжествовали побѣду плебисцита, какъ блестящую побѣду французскаго императора надъ французскимъ рабочимъ классомъ въ дѣйствительности плебисцитъ былъ сигналомъ къ умерщвленію не одной личности, а цѣлыхъ народовъ.

Военный договоръ въ іюлѣ 1870 года есть только улучшенная вариация государственнаго переворота въ декабрѣ 1854 года. На первый взглядъ дѣло казалось столь нелѣпымъ, что Франція не хотѣла вѣрить въ серьезность слуховъ о войнѣ. Гораздо охотнѣе вѣрили тѣмъ депутатамъ, которые въ воинственныхъ рѣчахъ министровъ видѣли простую биржевую уловку. Когда 15 іюля о войнѣ, наконецъ, официально было заявлено законодательному корпусу,— вся оппозиція отказалась утвердить предварительные расходы; самъ Тьеръ заклеилъ войну, какъ нѣчто „гнусное“; всѣ независимыя парижскія газеты осуждали ее и, къ удивленію, провинціальная печать почти цѣликомъ съ ними соглашалась.

Между тѣмъ парижскіе члены Интернаціонала вновь взяли за работу. Въ „Reveil“ они 12-го іюля опубликовали манифестъ „къ рабочимъ всѣхъ націй“, въ которомъ сказано:

„Опять политическое честолюбіе, подъ предлогомъ защиты національной чести и европейскаго равновѣсія, грозитъ всеобщему миру. Французскіе, нѣмецкіе и испанскіе рабочіе! Соединимъ свои голоса въ одинъ общій крикъ возмущенія противъ войны... Война, вызванная желаніемъ превосходства, или война въ интересахъ какой нибудь династіи не можетъ въ глазахъ рабочихъ быть чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ преступнаго безумія. Мы, которые нуждаемся въ мирѣ и работѣ, мы громко протестуемъ противъ воинственныхъ кличей тѣхъ, кто можетъ откупиться отъ „налога кровью“ (т. е. отъ воинской повинности) и для кого міровое несчастье служитъ источникомъ новыхъ спекуляцій!.. Нѣмецкіе братья наши! Вражда между нами, французскими и нѣмецкими рабочими, имѣла бы только послѣдствіемъ полное торжество деспотизма по обѣимъ сторонамъ Рейна... Рабочіе всѣхъ странъ! Каковы бы ни были въ данный моментъ результаты нашихъ общихъ усилій,— мы, члены Международнаго Товарищества рабочихъ, для которыхъ не существуетъ никакихъ государственныхъ границъ, мы шлемъ вамъ, какъ залогъ неразрывной солидарности, добрыя пожеланія и привѣтъ отъ рабочихъ Франціи“.

За этимъ манифестомъ нашихъ парижскихъ секцій послѣдовало множество французскихъ воззваній, изъ которыхъ мы здѣсь можемъ привести только одно, принадлежащее секціи въ Neuilly-sur-Seine и опубликованное въ газетѣ „Марсельеза“ отъ 22-го іюля: „Справедлива ли эта война? Нѣтъ! Национальна ли эта война? Нѣтъ? Это— война исключительно династическая. Во имя справедливости, во имя демократіи, во имя истинныхъ интересовъ Франціи,—мы всецѣло и со всей энергіей присоединяемся къ протестамъ Интернаціонала противъ войны“.

Эти протесты выражали истинныя чувства французскихъ рабочихъ, какъ вскорѣ и показало ясно одно интересное происшествіе. Когда шайка демонстрантовъ десятаго декабря, первоначально организованная во время президентства Луи Бонапарта, переодѣтая въ рабочія блузы, вышла на улицу, чтобы посредствомъ индійскихъ военныхъ плясокъ разжечь военную лихорадку,—дѣйствительные рабочіе предмѣстій отвѣтили такими внушительными демонстраціями въ пользу мира, что полицейскій префектъ Шетри счелъ нужнымъ внезапно положить конецъ всякимъ дальнѣйшимъ уличнымъ демонстраціямъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что преданный французскій народъ уже достаточно проявилъ свой необычайный патріотизмъ и далъ исходъ своему неизсякаемому военному энтузіазму.

Чѣмъ бы ни кончилась война Луи Бонапарта съ Пруссіей,—похоронный звонъ по второй Имперіи уже прозвучалъ въ Парижѣ. Вторая Имперія кончится тѣмъ же, чѣмъ началась: жалкой пародіей. Но не надо забывать, что именно европейскія правительства и господствующіе классы дали возможность Луи Бонапарту въ теченіе восемнадцати лѣтъ разыгрывать жестокой фарсъ реставраціи второй Имперіи.

Для нѣмцевъ война эта является оборонительной. Но кто привелъ Германію въ положеніе необходимости обороняться? Кто далъ возможность Луи Бонапарту вести войну противъ Германіи? Пруссія! Никто иной, какъ Бисмаркъ конспирировалъ съ Луи Бонапартомъ, въ надеждѣ подавить внутри Пруссіи демократическую оппозицію и закрѣпить Германію за династіей Гогенцоллерновъ. Если бы битва при Садовѣ была не выиграна, а потеряна, французскіе батальоны наводнили-бы Германію въ качествѣ союзниковъ Пруссіи. Развѣ Пруссія послѣ побѣды хоть на миѣнуту подумала о томъ, чтобы поработенной Франціи противопоставить свободную Германію? Какъ разъ наоборотъ Она ревниво оберегала исконныя прелести своей старой системы и въ добавленіе къ нимъ позаимствовала у второй Имперіи всѣ ея уловки:

ея фактической деспотизмъ и призрачную демократичность, ея политическіе фокусы и финансовыя мошенничества, ея высокопарныя фразы и самое низкое жульничество. Бонапартистскій режимъ, который до сихъ поръ процвѣталъ только на одномъ берегу Рейна, нашель себѣ, такимъ образомъ, двойника на другомъ берегу его. А при такомъ положеніи дѣлъ, чего иного можно было ждать кромѣ войны?

Если нѣмецкій рабочій классъ допустить, чтобы война потеряла свой оборонительный характеръ и выродилась въ войну противъ французскаго народа,—тогда и побѣда и пораженіе будутъ одинаково гибельны. Всѣ тѣ несчастія, которыя постигли Германію послѣ такъ называемыхъ освободительныхъ войнъ, обрушатся на нее снова съ еще большей жестокостью.

Принципы Интернаціонала, однако, слишкомъ широко распространились и слишкомъ глубокіе корни пустили среди нѣмецкаго рабочаго класса, чтобы мы должны были опасаться столь печальнаго исхода. Голось французскихъ рабочихъ нашель себѣ откликъ въ Германіи. Громадное рабочее собраніе въ Брауншвейгѣ 16-го іюля объявило себя вполне солидарнымъ съ парижскимъ манифестомъ, рѣшительно отвергло всякую мысль о національной враждѣ къ Франціи и приняло резолюцію, въ которой сказано: „Мы—враги всякихъ войнъ, но прежде всего—войнъ династическихъ... Съ глубокой печалью и болью мы видимъ себя вынужденными принять участіе въ оборонительной войнѣ, какъ въ неизбѣжномъ злѣ; но въ то-же время мы призываемъ весь мыслящій классъ сдѣлать невозможнымъ повтореніе столь ужаснаго соціального несчастья, добиваясь при этомъ власти для народовъ самимъ рѣшать вопросъ о войнѣ и мирѣ и дѣлая такимъ образомъ народы господами своей собственной судьбы“.

Въ Хемницѣ собраніе уполномоченныхъ, представлявшихъ пятьдесятъ тысячъ саксонскихъ рабочихъ, единогласно приняло слѣдующую резолюцію: „Отъ имени нѣмецкой демократіи вообще и въ частности отъ имени рабочихъ соціалъ-демократической партіи, мы объявляемъ нынѣшнюю войну исключительно династической... Съ радостью пожимаемъ мы братскую руку, протянутую намъ французскими рабочими... Памятую лозунгъ Международнаго Товарищества Рабочихъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“, мы никогда не забудемъ, что рабочіе всѣхъ странъ—наши друзья, а деспоты всѣхъ странъ—наши враги“.

Берлинская секція Интернаціонала также отвѣтила на парижскій манифестъ. „Мы всей душою присоединяемся къ вашему протесту.... Мы даемъ великій обѣтъ въ томъ, что ни звуки трубъ, ни громы пушекъ, ни побѣда, ни пораженіе не отвратятъ насъ отъ нашего общаго дѣла объединенія рабочихъ всѣхъ странъ“.

На заднемъ планѣ этой братоубійственной борьбы виднѣется зловѣщая фигура Россіи. Плохимъ признакомъ является то, что сигналъ къ нынѣшней войнѣ былъ данъ какъ разъ въ тотъ моментъ когда русское правительство закончило постройку важныхъ для него въ стратегическомъ отношеніи желѣзныхъ дорогъ и уже сконцентрировало войска въ направленіи къ Пруту. Хотя нѣмцы и могутъ съ полнымъ правомъ рассчитывать на симпатіи въ своей оборонительной войнѣ противъ бонапартистскаго нападенія,—они теряютъ эти симпатіи сейчасъ-же, какъ только допустятъ, чтобы нѣмецкое правительство призвало на помощь или хотя бы только приняло помощь казаковъ. Пусть они припомнятъ, что Германія, послѣ войны ея за независимость противъ Наполеона перваго, цѣлыя десятилѣтія безпомощно лежала у ногъ царя.

Англійскій рабочій классъ братски протягиваетъ руку французскимъ рабочимъ такъ-же, какъ и нѣмецкимъ. Онъ убѣжденъ, что какъ-бы ни кончилась предстоящая война, союзъ рабочихъ всѣхъ странъ въ концѣ концовъ искоренитъ всякія войны. Въ то время, какъ официальная Франція и официальная Германія бросаются въ братоубійственную борьбу другъ съ другомъ, рабочіе посылаютъ другъ другу вѣсти мира и дружбы. Уже одинъ этотъ великій фактъ, не имѣющій равнаго въ исторіи, открываетъ надежды на болѣе свѣтлое будущее. Онъ показываетъ, что въ противоположность старому обществу съ его экономической нищетой и политическимъ безуміемъ, нарождается новое общество, международный принципъ котораго будетъ—миръ, ибо у каждаго изъ народовъ будетъ господствовать одинъ и тотъ-же принципъ—принципъ труда.

Провозвѣстникомъ этого новаго общества является международное Товарищество Рабочихъ.

Лондонъ, 23-го іюля 1870 г.

II.

Второе воззваніе Генеральнаго Совѣта по поводу франко-германской войны.

Въ нашемъ первомъ манифестѣ отъ 23-го іюля мы сказали: „Похоронный звонъ по второй Имперіи уже прозвучалъ въ Парижѣ. Вторая Имперія кончится такъ-же, какъ началась: жалкой пародіей. Но мы не должны забывать, что именно европейскія правительства и господствующіе классы дали Луи Бонапарту возможность въ теченіе цѣлыхъ восемнадцати лѣтъ разыгрывать жестокой фарсъ реставраціи второй Имперіи.

Такимъ образомъ еще раньше чѣмъ начались военныя операціи, мы уже смотрѣли на бонапартистскій мыльный пузырь, какъ на дѣло прошлаго.

Мы не заблуждались насчетъ жизнеспособности второй Имперіи. Мы не были также неправы въ своемъ опасеніи, что для Германіи „война потеряетъ свой оборонительный характеръ и выродится въ войну противъ французскаго народа.“ Оборонительная война дѣйствительно кончилась сдачей Луи Наполеона, капитуляціей Седана и провозглашеніемъ республики въ Парижѣ. Но еще гораздо раньше этихъ событій уже въ тотъ самый моментъ, когда гнилость бонапартовскаго милитаризма выплыла наружу, прусская военная камарилья рѣшила превратить войну въ—завоевательную. Правда собственная прокламація короля Вильгельма въ началѣ войны была весьма неприятымъ препятствіемъ для этихъ господъ. Въ своей тронной рѣчи къ сѣверо-германскому рейхстагу Вильгельмъ торжественно заявилъ, что онъ ведетъ войну только противъ французскаго императора, а не противъ французскаго народа. 11-го августа онъ выпустилъ манифестъ къ французской націи, въ которомъ онъ говорилъ: „Императоръ Наполеонъ произвелъ на морѣ и на сушѣ нападеніе на нѣмецкую націю, которая хотѣла и теперь еще хочетъ жить въ мирѣ съ французскимъ народомъ; я взялъ на себя командованіе арміей, чтобы отразить его нападеніе, и ходъ военныхъ событій привелъ меня къ тому, чтобы перейти границы Франціи. Не довольствуясь заявленіемъ, что онъ взялъ на себя командованіе арміей „чтобы отразить нападеніе“ Вильгельмъ, чтобы еще больше подтвердить „чисто оборонительный характеръ войны“ присовокупилъ еще, что только „ходъ военныхъ событій привелъ его къ тому“, чтобы перейти границы Франціи. Оборонительная война, конечно, вовсе не исключаетъ наступательныхъ операцій, продиктованныхъ „ходомъ военныхъ событій.“

Такимъ образомъ этотъ благочестивый король торжественно обѣщаль передъ Франціей и передъ лицомъ всего міра вести чисто оборонительную войну. Какъ же освободить его отъ этого торжественнаго обѣщанія? Режиссеры всей этой комедіи должны были представить дѣло такъ, какъ будто онъ противъ своей воли уступаетъ неотступнымъ требованіямъ нѣмецкаго народа; для этого они сейчасъ-же дали пароль нѣмецкому либеральному среднему классу съ его профессорами и капиталистами, съ его депутатами и газетчиками. Этотъ средній классъ, который во время борьбы за буржуазную свободу 1846—1870 гг., выказалъ невиданную трусость, нерѣшительность и неспособность, былъ, конечно, чрезвычайно восхищенъ той ролью льва нѣмецкаго патріотизма, въ которой онъ долженъ былъ выступить на европейской сценѣ. Онъ одѣлъ на себя маску гражданской независимости, чтобы прикинуться, будто онъ принуждаетъ прусское правительство..... выполнить тайные планы этого самого правительства. Онъ раскаивался въ своей долготѣтней и почти религіозной вѣрѣ въ непогрѣшимости Луи Бонапарта и поэтому громко требовалъ раздробленія французской республики. Остановимся хоть на минутку на благовидныхъ доводахъ, пущенныхъ въ ходъ этими рыцарями „патріотизма“.

Они не осмѣливаются утверждать, что населеніе Эльзасъ—Лотарингіи тоскуетъ по нѣмецкимъ объятіямъ. Какъ разъ наоборотъ. Чтобы наказать Страсбургъ за чувства патріотизма къ Франціи его бесполезно и варварски—ибо въ военномъ отношеніи важень не городъ, а самостоятельно расположенная цитадель—крѣпость—бомбардируютъ „нѣмецкими“ взрывчатыми снарядами, зажигаютъ городъ и убиваютъ массу беззащитныхъ жителей. Еще-бы! Земля подъ этими провинціями нѣкогда принадлежала давнымъ-давно почившей нѣмецкой имперіи. Не пришлось-ли бы на такомъ основаніи конфисковать, какъ не потерявшую давности нѣмецкую собственность, весь земной шаръ съ его населеніемъ? Вѣдь если возстановлять старую карту Европы согласно историческому праву,—то не слѣдуетъ ни въ коемъ случаѣ, забывать, что въ свое время курфюрстъ Бранденбургскій состоялъ въ качествѣ прусскаго владѣтельнаго князя вассаломъ польской республики.

Но изворотливые патріоты требуютъ Эльзаса и нѣмецкой Лотарингіи, какъ „матеріальную гарантію“ противъ французскихъ нападений. Такъ какъ эта гнусная уловка посѣяла смуту въ головахъ многихъ слабоумныхъ людей, мы—считаемъ своей обязанностью подробнѣе остановиться на ней.

Нѣтъ сомнѣнія, что общее расположеніе Эльзаса и противоположнаго рейнскаго берега вмѣстѣ съ наличностью какъ разъ почти на половинѣ дороги между Базелемъ и Гемерсгеймомъ такой большой крѣпости, какъ Страсбургъ,—очень облегчаетъ Франціи вторженіе въ южную Германію, между тѣмъ, какъ южной Германіи, напротивъ, извѣстнымъ образомъ благодаря этому затрудняется вторженіе во Францію. Нѣтъ далѣе сомнѣнія и въ томъ, что присоединеніе Эльзаса и нѣмецкой Лотарингіи сильно укрѣпило-бы границы южной Германіи, она могла бы тогда распоряжаться по хребту Вогезскихъ горъ во всей ихъ длинѣ и завладѣть крѣпостями, прикрывающими сѣверные ихъ проходы. Если бы былъ присоединенъ также и Мецъ, то Франція сейчасъ несомнѣнно была бы лишена двухъ важнѣйшихъ операціонныхъ базъ противъ Германіи, но это не помѣшало-бы ей создать новыя при Нанси или Верденѣ. Германія имѣетъ Кобленцъ, Майнцъ, Гермерсгеймъ, Раштаттъ и Ульмъ—все операціонныя базы, направленныя спеціально противъ Франціи; Германія прекрасно воспользовалась ими въ послѣдней войнѣ; съ какой-же тѣнью права можетъ она завидовать Франціи, имѣющей въ этой области только двѣ значительныя крѣпости—Мецъ и Страсбургъ?

Кромѣ того, Страсбургъ угрожаетъ южной Германіи только до тѣхъ поръ, пока она разъединена съ сѣверной Германіей. Съ 1792 до 1795 года южная Германія ни разу не подверглась нападенію съ этой стороны, потому что Пруссія принимала участіе въ войнѣ противъ французской революціи; но какъ только Пруссія въ 1795 году заключила свой сепаратный миръ и предоставила югъ самому себѣ, на южную Германію начались нападенія и продолжались до 1809 года, при чемъ Страсбургъ служилъ операціоннымъ базисомъ. Въ сущности объединенная Германія можетъ обезвредить Страсбургъ и всякую французскую армію въ Эльзасѣ, если она сконцентрируетъ всѣ свои войска между Саарлуи и Ландау, какъ это было въ настоящей войнѣ, и двинетъ ихъ впередъ или приметъ битву по пути изъ Майнца въ Мецъ. До тѣхъ поръ, пока главная масса нѣмецкихъ войскъ находится тамъ, всякой арміи, вступающей изъ Страсбурга въ южную Германію, грозитъ опасность быть обойденной и отрѣзанной отъ базы. Если послѣдняя кампанія что-нибудь доказала, то именно легкость нападенія на Францію изъ Германіи.

Но, разсуждая честно, развѣ не является вообще нелѣпостью и анархизмомъ возводить военныя соображенія въ принципъ, согласно которому должны опредѣляться національныя границы? Если

слѣдовать этому правилу, то вѣдь Австрія еще могла-бы предъявить претензію на Венецію и Минчиолинэ (Minciolinie), а Франція—на рейнскую линію, для защиты Парижа, который безусловно больше подверженъ опасности нападеній съ сѣверо-востока, чѣмъ Берлинъ—съ юго-запада. Если-бы національныя границы опредѣлялись военными интересами, то претензіямъ не было бы конца, ибо всякая военная линія по необходимости имѣетъ свои недостатки и можетъ быть улучшена посредствомъ присоединенія новыхъ областей; а сверхъ того эти границы никогда не могли-бы быть окончательно и справедливо установлены, ибо каждый разъ побѣдитель диктовалъ бы условія побѣжденному, и тутъ, слѣдовательно, былъ бы уже зародышъ новой войны.

Съ цѣлыми націями бываетъ то-же самое, что съ отдѣльными людьми—этому насъ учитъ вся исторія. Чтобы отнять у нихъ возможность нападенія, нужно лишить ихъ всѣхъ средствъ обороны. Нужно не только схватить ихъ за горло, но и умертвить ихъ. Если когда-нибудь какой-нибудь побѣдитель добивался „матеріальныхъ гарантій“, чтобы сломить силу непріятели,—то это сдѣлалъ Наполеонъ I своимъ тильзитскимъ договоромъ и тѣмъ, какъ онъ примѣнялъ его по отношенію къ Пруссіи и къ остальной Германіи. И все-таки, спустя нѣсколько лѣтъ, все его гигантское могущество разсѣялось передъ нѣмецкимъ народомъ, какъ дымъ. Но могутъ ли сравниться „матеріальныя гарантіи“, которыхъ Германія въ самыхъ дикихъ мечтахъ своихъ надѣется добиться отъ Франціи, съ тѣми, которыя заполучилъ Наполеонъ I отъ самой Германіи? Результаты и на этотъ разъ будутъ не менѣе гибельны. Исторія воздастъ не по числу оторванныхъ отъ Франціи квадратныхъ миль земли, а по величинѣ преступленія, состоящаго въ томъ, что во 2-й половинѣ 19-го столѣтія вновь вызвали къ жизни политику завоеваній.

Защитники нѣмецкаго патріотизма говорятъ намъ: но вы не должны смѣшивать нѣмцевъ съ французами. Мы хотимъ не славы, а только спокойствія. Нѣмцы—по существу миролюбивый народъ. Въ своей разсудительной защитѣ они даже превращаютъ завоеванія изъ причины будущей войны въ залогъ вѣчнаго мира. Должно-быть, не Германія двинула въ 1792 году свои войска во Францію съ возвышенною цѣлю раздавить революцію 18-го столѣтія при помощи штыковъ! Должно быть не Германія замарала свои руки при порабоженіи Италіи, при подавленіи Венгріи и при раздѣлѣ Польши! Ея нынѣшняя милитаристская система, благодаря которой все здоровое мужское населеніе дѣлится на двѣ части—постоянную армію

на службѣ и вторую постоянную армію въ запасѣ—при чемъ обѣ обречены на безпрекословное подчиненіе своему, божьей милостью, начальству—эта система является, конечно, „матеріальной гарантіей“ всеобщаго мира и, кромѣ того, высшей цѣлью цивилизаціи! Въ Германіи, какъ и вездѣ, правительственные прихвостни отравляютъ общественное мнѣніе фиміамомъ и лживымъ самохвалствомъ.

Ихъ, этихъ нѣмецкихъ патріотовъ, очень раздражаютъ французскія крѣпости Мецъ и Страсбургъ, но они не видятъ ничего несправедливаго въ колоссальной системѣ русскихъ укрѣпленій: Варшавы, Модлина и Ивангорода. Содрогаясь передъ ужасами Бонапартистскихъ нападений, они закрываютъ глаза на весь позоръ царскаго покровительства.

Точно такъ же, какъ въ 1865 году Бисмаркъ съ Луи Бонапартомъ обмѣнялись обѣщаніями, въ 1870 году это произошло между Бисмаркомъ и Горчаковымъ. Точно такъ-же, какъ Луи Наполеонъ льстилъ себя надеждой, что война 1866 года, истощивъ силы обѣихъ сторонъ Австріи и Пруссіи,—сдѣлаетъ его вершителемъ судебъ Германіи,—Александръ льстилъ себя надеждой, что война 1870 года, истощивъ силы Германіи и Франціи, дастъ ему возможность стать вершителемъ судебъ всей западной Европы. Точно такъ же, какъ вторая Имперія считала невозможнымъ свое существованіе рядомъ съ существованіемъ сѣверо-германскаго союза,—самодержавная Россія должна чувствовать для себя опасность со стороны германскаго государства съ Пруссіей во главѣ. Это законъ старой политической системы. Въ предѣлахъ этой системы выигрышъ одного является проигрышемъ для другого. Преобладающее вліяніе царя на Европу коренится въ его традиціонномъ верховенствѣ надъ Германіей. Въ тотъ моментъ, когда вулканическія соціальныя силы грозятъ въ самой Россіи потрясти самыя глубокія основы самодержавія, можетъ ли царь допустить ослабленіе своего внѣшняго могущества? Московскія газеты заговорили уже тѣмъ же языкомъ, которымъ говаривали бонапартистскія газеты послѣ войны 1866 года. Неужели германофилы думаютъ, что свобода и миръ для Германіи будутъ обеспечены, если она принудитъ Францію броситься въ объятія Россіи? Если военное счастье, опьяненіе своими успѣхами и династическія интриги толкнутъ Германію на путь грабительскаго присвоенія французскихъ областей,—для нея останутся только два пути. Либо она должна, во что бы-то ни стало, сдѣлаться явнымъ рабомъ русской завоевательной политики, либо она должна, послѣ короткой передышки, начать готовиться къ „оборонительной войнѣ“, не къ одной изъ

тѣхъ такъ-называемыхъ „локализованныхъ“ войнъ, а къ войнѣ расовой, къ войнѣ противъ объединенныхъ славянскихъ и романскихъ расъ.

Нѣмецкій рабочій классъ, не имѣя возможности помѣшать этой войнѣ, поддерживалъ ее энергично, какъ войну за независимость Германіи, за освобожденіе ея и всей Европы отъ гнетущаго ига второй имперіи. Нѣмецкіе промышленные рабочіе вмѣстѣ съ рабочими сельскими составляли ядро геройскихъ войскъ, тогда какъ дома оставались ихъ полуголодныя семьи. Кромѣ бѣдствій на полѣ брани за границей, ихъ ожидаютъ не менѣ великія бѣдствія дома, отъ нищеты. И они теперь, въ свою очередь, требуютъ „гарантій“, гарантій въ томъ, что ихъ неисчислимыя жертвы были не напрасны, что они дѣйствительно добились свободы, что ихъ побѣды надъ арміями Бонапарта не будутъ превращены, какъ въ 1815 году, въ пораженіе нѣмецкаго народа. И въ качествѣ первой такой гарантіи, они требуютъ почетнаго для Франціи мира и признанія французской республики.

Центральный комитетъ нѣмецкой социаль-демократической рабочей партіи опубликовалъ 5-го октября манифестъ, въ которомъ онъ энергично настаиваетъ на этихъ гарантіяхъ. Мы, говорилъ онъ, протестуемъ противъ присоединенія Эльзасъ-Лотарингіи. И мы сознаемъ, что говоримъ отъ имени нѣмецкаго рабочаго класса. Въ общихъ интересахъ Франціи и Германіи, въ интересахъ мира и свободы, въ интересахъ западно-европейской цивилизаціи, въ интересахъ борьбы съ восточнымъ варварствомъ, нѣмецкіе рабочіе не потерпятъ молча присоединенія Эльзасъ-Лотарингіи... Мы будемъ стоять вѣрно вмѣстѣ съ нашими товарищами, рабочими другихъ странъ, за общее международное дѣло пролетаріата!

Къ несчастью, мы не можемъ разсчитывать на ихъ непосредственный успѣхъ. Если французскіе рабочіе не могли остановить нападающей стороны въ мирное время, то больше-ли шансовъ у нѣмецкихъ рабочихъ удержать побѣдителя во время военной горячки? Манифестъ нѣмецкихъ рабочихъ требуетъ выдачи Луи-Бонапарта какъ обыкновеннаго преступника, въ руки французской республики. А ихъ эксплуататоры всѣми силами стараются опять усадить его на тюльерійскій престолъ, какъ самаго подходящаго человѣка для того, чтобы привести Францію къ гибели. Какъ-бы тамъ ни было, исторія покажетъ, что нѣмецкіе рабочіе созданы не изъ такого дряблага матеріала, какъ нѣмецкій средній классъ. Они исполняютъ свой долгъ.

Вмѣстѣ съ ними мы привѣтствуемъ учрежденіе республики во Франціи, но въ то же время насъ тревожатъ опасенія, которыя, будемъ надѣяться, окажутся неосновательными. *Эта республика не ниспровергла трона, она только заняла оставленное имъ пустое мѣсто.* Она провозглашена не какъ социальное приобрѣтеніе, а какъ національная мѣра обороны. Она находится въ рукахъ временнаго правительства, состоящаго частью изъ завѣдомыхъ орлеанистовъ, частью изъ буржуазныхъ республиканцевъ; а на нѣкоторыхъ изъ этихъ послѣднихъ июньское возстаніе 1848 года оставило несмываемое пятно. Раздѣленіе труда между членами этого правительства обѣщаетъ очень мало хорошаго. Орлеанисты заняли сильнѣйшія позиціи—армію и полицію, межъ тѣмъ какъ мнимымъ республиканцамъ представили функцію болтовни. Нѣкоторые изъ первыхъ шаговъ этого правительства довольно ясно показываютъ, что оно унаслѣдовало отъ Имперіи не только груды развалинъ, но и страхъ передъ рабочимъ классомъ. Если теперь, во имя республики, они широко-вѣщательно обѣщаютъ невозможныя вещи,—то не дѣлается-ли это для того, чтобы вызвать теченіе въ пользу возможнаго правительства? Не является-ли республика въ глазахъ буржуа, которые охотно стали бы ея могильщиками, лишь переходной ступенью къ орлеанистской реставраціи?

Такимъ образомъ французскій рабочій классъ находится въ самомъ затруднительномъ положеніи. Всякая попытка ниспровергнуть новое правительство, тогда какъ непріятель уже почти стучится въ ворота Парижа, было бы безуміемъ отчаянія; французскіе рабочіе должны исполнить свой долгъ гражданъ, но они не должны позволить себя увлечь національнымъ традиціямъ 1792 г. какъ французскіе крестьяне дали обмануть себя національными преданіями первой Имперіи. Имъ нужно не повторять прошлое, а построить будущее. Пусть они спокойно и рѣшительно пользуются всѣми средствами которыя даетъ имъ республиканская свобода, чтобы основательнѣе укрѣпить организацію своего собственнаго класса. Это дастъ имъ новыя геркулесовы силы для борьбы за возрожденіе Франціи и за наше общее дѣло освобожденія пролетаріата. Отъ ихъ силы и мудрости зависитъ судьба республики.

Англійскіе рабочіе сдѣлали уже нѣкоторые шаги въ томъ направленіи, чтобы посредствомъ полезнаго давленія извнѣ сломить неохоту ихъ правительства признать Французскую республику. Темперешней медленностью англійское правительство хочетъ должно быть загладить анти-якобинскую войну|1792 года и ту непристойную по-

спѣшность, съ которой оно признаетъ государственный переворотъ Наполеона. Англійскіе рабочіе кромѣ того требуютъ отъ своего правительства, чтобы оно всѣми силами противилось раздробленію Франціи, котораго требуетъ безстыдно часть англійской прессы. Это та самая пресса, которая въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ боготворитъ Луи Бонапарта, какъ провидѣніе Европы и которая восторженно аплодировала мятежу американскихъ рабовладѣльцевъ. Теперь, какъ и тогда, она трудится на пользу рабовладѣльцевъ.

Пусть же секціи Международнаго Товарищества Рабочихъ призвуютъ рабочій классъ во всѣхъ странахъ къ дѣятельному выступленію. Если рабочіе забудутъ свой долгъ, если они останутся пассивными — настоящая ужасная война станетъ предтечей новыхъ еще болѣе ужасныхъ международныхъ войнъ и приведетъ въ каждой странѣ къ новымъ побѣдамъ надъ рабочими рыцарей шпаги, капитала и землевладѣнія.

Лондонъ, 9 сентября 1870 года.

•

Гражданская война во Франціи (1870—71 г.).

I.

4-го сентября 1870 г., когда парижскіе рабочіе провозгласили республику, которую единодушно почти тотчасъ привѣтствовала вся Франція кликомъ восторга, шайка честолюбивыхъ адвокатовъ завладѣла городскою ратушею; государственнымъ дѣятелемъ ея былъ Тьеръ, а генераломъ—Трошю. Эти люди были настолько полны тогда фанатической вѣры въ призваніе Парижа быть представителемъ всей Франціи во всѣ времена историческихъ кризисовъ, что для отправленія насильно захваченнаго ими титула правителей Франціи, они нашли достаточнымъ предъявить свои истекшія уже полномочія на званіе парижскихъ депутатовъ. Во второмъ нашемъ воззваніи по поводу франко-прусской войны, пять дней послѣ того, какъ этихъ людей подняло на верхъ движенія, мы объяснили вамъ, кто они такіе. Но Парижъ, захваченный врасплохъ, когда дѣйствительные вожди рабочихъ еще сидѣли въ тюрьмахъ Бонапарта, а пруссаки быстро шли на него, позволилъ этимъ людямъ присвоить себѣ власть, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они пользовались этой властью исключительно для дѣла народной защиты. Защитить Парижъ можно было только вооруживъ его рабочихъ, образовавъ изъ нихъ дѣйствительную военную силу, научивъ ихъ военному искусству на самой войнѣ. Но вооружить Парижъ значило вооружить революцію. Побѣда Парижа надъ прусскимъ завоевателемъ была бы побѣдой французскаго рабочаго надъ французскимъ капиталистомъ и его государственными паразитами. Вынужденное выбирать между національнымъ долгомъ и классовыми интересами, правительство национальной обороны не колебалось ни минуты—оно превратилось въ правительство народной измѣны.

Прежде всего оно отправило Тьера въ странствованіе по европейскимъ дворамъ выпрашивать у нихъ, какъ милостыню, посредничества, обязываясь за то промѣнять республику на короля. Четыре мѣсяца спустя послѣ обложія Парижа, оно сочло своевременнымъ завести рѣчь о капитуляціи; Трошю въ присутствіи Жюля Фавра и другихъ членовъ правительства обратился къ парижскимъ мэрамъ со слѣдующими словами:

„Первый вопросъ, который задали мнѣ мои сотоварищи вечеромъ же 4-го сентября, былъ вопросъ о томъ, имѣеть-ли Парижъ какіе-нибудь шансы успѣшно выдержать осаду прусской арміи? Я, не колеблясь, отвѣтилъ на этотъ вопросъ *отрицательно*. Ссылаюсь на нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ здѣсь товарищей; они могутъ вамъ подтвердить, что я говорю правду; я постоянно оставался при мнѣніи, высказанномъ тогда мною. Я сказалъ имъ точно то же, что говорю теперь вамъ: при настоящемъ положеніи дѣлъ, попытка отстоять Парижъ отъ пруссаковъ—чистое безуміе,—конечно, геройское безуміе,—прибавилъ я, но все-таки не больше, какъ безуміе... Событія (онъ самъ ими управлялъ) оправдали мои предсказанія“.

Эту прелестную маленькую рѣчь Трошю одинъ изъ присутствовавшихъ мэровъ, Корбонъ, впослѣдствіи напечаталъ.

Итакъ, уже вечеромъ въ день провозглашенія республики, товарищи Трошю знали, что „планъ“ его состоитъ въ капитуляціи Парижа. Если бы народная оборона не была только предлогомъ для господства Тьера, Фавра и К^о, выскочки 4-го сентября сложили бы уже 5-го свою власть, сообщили бы парижскому населенію „планъ“ Трошю и предложили бы ему или немедленно сдаться, или взять свою судьбу въ собственныя руки. Но эти безчестные обманщики предпочли излѣчить Парижъ „отъ геройскаго безумія“ голодомъ и кровью, а пока что водили его за носъ своими прокламаціями. „Трошю, губернаторъ Парижа, никогда не капитулируетъ!“ писалось въ одной изъ этихъ прокламацій. „Министръ иностранныхъ дѣлъ, Жюль Фавръ, никогда не уступитъ ни одной пяди земли, ни одного камня нашихъ крѣпостей“. А Гамбеттъ этотъ же Жюль Фавръ признавался въ письмѣ, что они „защищаются“ не отъ прусскихъ солдатъ, а отъ *парижскихъ рабочихъ*. Бонапартистскіе разбойники, которымъ предусмотрительный Тьеръ отдалъ начальство надъ парижской арміей, нагло глумились въ своей частной перепискѣ во все продолженіе осады надъ этой якобы обороной, тайну которой они знали. За доказательствами не далеко ходить: достаточно просмотрѣть оглашенную Коммуной переписку главнокомандующаго надъ париж-

ской артиллеріей, кавалера ордена Почетнаго Легіона, Альфонса Симона Го съ Сюзанномъ, артиллерійскимъ дивизионнымъ генераломъ. Наконецъ, 28-го января 1871 года, они сбросили маску. Правительство народной обороны въ дѣлѣ капитуляціи Парижа выступило съ настоящимъ геройствомъ глубочайшаго униженія, оно выступило, какъ *правительство Франціи, состоящее изъ пльнниковъ Бисмарка*, — роль до того подлая, что ее не рѣшился взять на себя даже самъ Луи Наполеонъ въ Седанѣ. Спасаясь бѣгствомъ въ Версаль послѣ 18 марта, „капитуляры“ въ переполохѣ забыли захватить съ собой документы, свидѣтельствовавшіе объ ихъ измѣнѣ. Чтобы истребить ихъ, писала Коммуна въ прокламаціи, къ провинціямъ „эти люди не остановились бы предъ превращеніемъ Парижа въ развалины, затопленныя моремъ крови“.

Къ такой развязкѣ толкали многихъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ правительства народной обороны и личныя соображенія.

Вскорѣ послѣ заключенія перемирія парижскій депутатъ національнаго собранія Мильеръ, теперь по спеціальному приказу Жюль Фавра уже разстрѣянный, опубликовалъ цѣлый рядъ подлинныхъ юридическихъ документовъ, доказывавшихъ, что Жюль Фавръ, живя съ женою одного алжирскаго проходимца, захватилъ себѣ при помощи подлоговъ, совершенныхъ имъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду отъ имени своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей, огромное наслѣдство, которое сдѣлало его богатымъ человекомъ, и что въ процессѣ, который вели съ нимъ законные наслѣдники, онъ только потому не былъ уличенъ въ подлогахъ, что пользовался особымъ покровительствомъ бонапартистскихъ судовъ. Такъ какъ противъ этихъ сухихъ юридическихъ актовъ было безсильно какое угодно краснорѣчіе, то Жюль Фавръ нашелъ нужнымъ, въ первый разъ въ своей жизни, не раскрывать рта, а ожидать, пока возгорится гражданская война, чтобы бѣшено выругать парижскихъ жителей бѣглыми каторжниками, нагло возставшими противъ семьи, религіи, порядка и собственности. Въ то же время этотъ поддѣльватель документовъ, тотчасъ послѣ 4-го сентября, едва захвативъ власть, освободилъ изъ чувства братства Пика и Тельефера, которые были осуждены за подлогъ даже при имперіи (при скандальной исторіи съ газетой „L'Etendard“). Одинъ изъ этихъ досточтимыхъ господъ, Тальеферъ, былъ настолько дерзокъ, что вернулся во время Коммуны въ Парижъ; но Коммуна тотчасъ же заключила его въ тюрьму. И послѣ этого Жюль Фавръ объявилъ всему міру съ трибуны національнаго собранія, что парижане освободили всѣхъ каторжниковъ!

Эрнестъ Пикарь — Карль Фогтъ представитель правительства народной обороны — который, послѣ неудачныхъ попытокъ попасть въ министры внутреннихъ дѣлъ имперіи, произвелъ самъ себя въ министры внутреннихъ дѣлъ республики, это — братъ нѣкоего Артура Пикара, выгнаннаго изъ Парижской биржи за мошенничество (см. донесеніе парижской префектуры отъ 13 іюля 1867 г.) и уличеннаго, на основаніи собственнаго признанія, въ кражѣ 300.000 франковъ, совершенной имъ въ бытность его директоромъ филиальнаго отдѣленія торговаго общества „Société Générale“, rue Palestro № 5 (донесеніе парижской префектуры отъ 11 декабря 1868 г.). И вотъ этого-то Артура Пикара Эрнестъ Пикарь назначилъ редакторомъ своей газеты „L'Electeur libre“. Официальная ложь этой министерской газеты вводила въ заблужденіе обыкновенныхъ биржевыхъ спекулянтовъ, а Артуръ Пикарь безпрестанно бѣгалъ съ биржи въ министерство, изъ министерства на биржу и наживалъ себѣ барыши при всякомъ поражении французскихъ армій. Вся дѣловая переписка этихъ славныхъ братьевъ досталась Коммунѣ.

Жюль Ферри, бывшій до 4-го сентября нищимъ адвокатомъ, накопилъ себѣ во время осады, какъ мэръ Парижа, состояніе на счетъ голода столицы. Тотъ день, когда онъ долженъ будетъ дать отчетъ въ своемъ управленіи, будетъ днемъ его осужденія.

Такие люди могли получить tickets-of-leave *) только на развалинахъ Парижа; они какъ разъ годились для цѣлей Бисмарка. Карты были немного перетасованы, и Тьеръ, втайнѣ до сихъ поръ руководившій правительствомъ, вдругъ сталъ во главѣ его, а tickets-of-leave-men сдѣлались министрами.

Тьеръ, этотъ карликъ-чудовище, въ теченіе болѣе чѣмъ полустолѣтія очаровывалъ французскую буржуазію, потому что онъ представлялъ изъ себя самое совершенное идейное выраженіе ея классовой испорченности. Когда онъ былъ еще не государственнымъ человѣкомъ, а простымъ историкомъ, онъ доказалъ уже свое искусство лжи. Исторія его общественной дѣятельности есть исторія бѣдствій Франціи. Будучи до 1830 г. другомъ республиканцевъ, онъ получилъ при Луи Филиппѣ министерскій портфель въ награду за измѣну своему покровителю, Лафитту. Къ королю онъ подольстился подстрекательствомъ черни противъ духовенства,—

*) Въ Англіи преступникамъ, когда они уже отбыли большую часть наказанія, даютъ иногда отпускные билеты, съ которыми они могутъ жить на свободѣ, но подъ надзоромъ полиціи. Такие билеты называются tickets-of-leave, а владѣльцы ихъ — tickets-of-leave-men.

подстрекательствомъ которое привело къ разграбленію церкви С.-Жерменъ Локсерруа и дворца архіепископа,—и отношеніями своими къ герцогинѣ Беррійской, которой онъ служилъ министромъ-шпіономъ и тюремщикомъ акушеромъ. Рѣзня республиканцевъ на улицѣ Транснонэнъ, послѣдовавшіе затѣмъ гнусные сентябрьскіе законы противъ печати и права сходокъ—были его дѣломъ. Въ 1840 г. онъ выступилъ на сцену уже министромъ-президентомъ и удивилъ всю Францію своимъ проэктомъ укрѣпленія Парижа. На обвиненія республиканцевъ, которые считали этотъ проэктъ заговоромъ противъ свободы Парижа, онъ въ палатѣ депутатовъ отвѣчалъ:

„Какъ? вы находите, что укрѣпленія могутъ быть опасны свободѣ“ Вы клеветаете, допуская, что какое-нибудь правительство рѣшится когда-нибудь бомбардировать Парижъ, чтобы удержать власть въ своихъ рукахъ... такое правительство стало бы послѣ побѣды во сто разъ невозможнѣе, чѣмъ до нея“. Да, никакое правительство не рѣшилось бы бомбардировать Парижъ съ фортовъ кромѣ правительства, сдавашаго раньше эти форты пруссакамъ.

Когда въ январѣ 1848 г. король Бомба сталъ учить повиновенію Палермо, Тьеръ, не бывший уже тогда министромъ, произнесъ въ палатѣ депутатовъ такую рѣчь:

„Милостивые государи! Вы знаете, что происходитъ въ Палермо Вы всѣ содрагаетесь (въ парлалментскомъ смыслѣ этого слова) отъ ужаса при вѣсти, что многолюдный городъ былъ въ теченіе 48 часовъ подвергнутъ бомбардировкѣ. И кѣмъ? Чужеземнымъ непріателемъ, пользовавшимся правомъ войны? Нѣтъ, милостивые государи, своимъ же правительствомъ. И за что? За то, что этотъ несчастный городъ требовалъ своихъ правъ. За требованіе своихъ правъ онъ подвергся 48-часовой бомбардировкѣ... Я апеллирую къ общественному мнѣнію Европы. Я думаю, что заклеить съ величайшей изъ трибунъ словами (да, дѣйствительно, словами) негодованія такія дѣйствія—это будетъ заслугой передъ человѣчествомъ. Когда регентъ Эспартеро, оказавшій услуги своей родинѣ (въ чемъ Тьеръ уже нисколько не виноватъ), вздумалъ бомбардировать Барселону для подавленія вспыхнувшаго тамъ возстанія, поднялся со всѣхъ концовъ міра крикъ негодованія“.

Черезъ полтора года мы находимъ Тьера уже въ числѣ самыхъ рьяныхъ поборниковъ бомбардировки Рима французской арміей. Какъ кажется, только то было ошибкой короля Бомба, что онъ удовольствовался лишь 48-ю часами бомбардировки.

За нѣсколько дней передъ февральской революціей Тьеръ почувствовалъ въ воздухѣ приближеніе народной бури. То положеніе, въ которомъ онъ оказался благодаря Гизо, положеніе чловѣка лишеннаго должности и связанныхъ съ ней безгрѣшныхъ доходовъ, ему уже надоѣло. И вотъ, онъ объявилъ въ палатѣ депутатовъ своимъ напыщеннымъ слогомъ, за который его прозвали „Mirabeau—touche“ (Мирабо—муха): „Я принадлежу къ партіи революціи не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Я желалъ бы, чтобы революціонное правительство оставалось въ рукахъ умѣренныхъ людей... но если бы оно перешло въ руки людей горячихъ, даже въ руки радикаловъ, я бы изъ-за этого не отказался отъ моего дѣла. Я принадлежу и всегда буду принадлежать къ партіи революціи“.

Февральская революція разразилась. Въмѣсто того, чтобы поставить на мѣсто министерства Гизо министерство Тьера, о чемъ мечталъ этотъ ничтожный чловѣкъ, революція замѣнила Луи Филиппа республикой. Въ первый день народной побѣды онъ весьма старательно прятался, забывая, что отъ ненависти рабочихъ спасло бы его ихъ презрѣніе къ нему. Какъ испытанный храбрецъ, онъ избѣгалъ общественной арены, пока іюньская рѣзня не очистила мѣста для людей такого сорта, какъ онъ. Онъ сталъ тогда во главѣ „партіи порядка“ съ ея парламентскою республикою—этимъ анонимнымъ междуцарствіемъ, во время котораго всѣ фракціи господствующаго класса входили *другъ съ другомъ* въ тайныя сношенія съ цѣлью порабоженія народа и интриговали *другъ противъ друга* съ цѣлью реставраціи монархіи каждая по своему вкусу. Тьеръ тогда, какъ и теперь, обвинялъ республиканцевъ, что они—единственная помѣха къ установленію республики на прочныхъ основаніяхъ; тогда какъ и теперь, онъ говорилъ республикѣ, какъ палачъ Донъ-Карлосу: „Я убью тебя для твоего же блага“. И теперь, какъ и тогда, онъ на другой день послѣ побѣды воскликнетъ. „L'Empire est fait“ (Имперія готова). Тьеръ забылъ свои *лицемѣрныя рѣчи о „необходимыхъ свободахъ“*, свою личную ненависть къ Луи Бонапарту, который надругался надъ нимъ и выкинулъ за борть парламентаризмъ,—(въ искусственной атмосферы парламентаризма этотъ чловѣкъ превращается въ ничто, и онъ это хорошо знаетъ)—забывъ все это, Тьеръ принималъ участіе во всѣхъ позорныхъ дѣлахъ Второй Имперіи—отъ занятія Рима французскими войсками до войны съ Пруссіей; онъ содѣйствовалъ этой войнѣ, разжигая страсти своими неистовыми нападками на единство Германіи, въ которомъ онъ видѣлъ не маску для прусскаго деспотизма, а поку-

шеніе на наслѣдственное право Франціи на разьединенность Германіи. На словахъ этотъ уродъ всегда выступалъ во имя традицій Наполеона I. Наполеоновскимъ мечомъ махалъ онъ передъ всей Европой. Въ своихъ историческихъ трудахъ онъ только и дѣлалъ, что чистилъ сапоги Наполеона. На дѣлѣ, его внѣшняя политика всегда, начиная отъ лондонской конвенціи 1841 г. до капитуляціи Парижа 1871 г., приводила къ полнѣйшему униженію Франціи и, наконецъ, довела до гражданской войны, во время которой онъ съ высочайшаго соизволенія Бисмарка натравилъ на Парижъ плѣнныхъ Седана и Меца. Несмотря на свои гибкія способности и измѣнчивость своихъ стремленій, онъ во всю свою жизнь былъ закоренѣлымъ рутинеромъ. Нечего и говорить, что болѣе глубокія движенія, происходяція въ современномъ обществѣ, всегда оставались непостижимой тайной; его мозгъ, всѣ силы котораго ушли въ языкъ, не могъ освоиться даже съ самыми простыми измѣненіями, совершающимися на поверхности общества. Онъ, на примѣръ, считалъ святотатствомъ всякое уклоненіе отъ устарѣвшей французской протекціонистской системы. Когда онъ былъ министромъ Луи Филиппа, онъ насмѣхался надъ желѣзными дорогами, какъ надъ фантазіей больного ума; будучи въ оппозиціи при Луи Бонапартѣ, онъ клеймилъ, какъ оскорбленіе святыни, всякую попытку преобразовать гнилую французскую военную систему.

Ни разу во все продолженіе своей долговременной политической дѣятельности онъ не провелъ ни одной, сколько-нибудь практически-полезной мѣры. Онъ былъ вѣренъ только своей ненасытной жаднѣ богатства и ненависти къ людямъ, создающимъ это богатство. Онъ былъ бѣденъ, какъ Іовъ, когда вступилъ въ первый разъ въ управленіе министерствомъ при Луи Филиппѣ, а оставилъ онъ это министерство миллионеромъ. Во время послѣдняго его управленія министерствомъ при упомянутомъ королѣ (съ 1-го марта 1840 года) онъ былъ публично обвиненъ въ палатѣ депутатовъ въ растратѣ казенныхъ суммъ. Въ отвѣтъ на это обвиненіе онъ ограничился тѣмъ, что заплакалъ.—Отвѣтъ дешевый, которымъ легко отдѣлывался и Жюль Фавръ и всякій иной крокодилъ. Въ Бордо въ 1871 году первую необходимою, въ его глазахъ, мѣрою къ спасенію Франціи отъ грозившаго ей банкротства было назначеніе себѣ трехъ-милліоннаго годового оклада; это было первымъ и послѣднимъ словомъ той „бережливой республики“, идеалъ которой онъ выставилъ въ манифестѣ къ своимъ парижскимъ избирателямъ въ 1869 году. Одинъ изъ его собратій по палатѣ 1830 года, самъ

капиталистъ, — что, однако, не мѣшало ему быть преданнѣйшимъ членомъ Парижской Коммуны—Белэ, въ одной изъ своихъ прокламацій говорилъ недавно Тьеру: „Порабощеніе труда капиталу было всегда фундаментомъ вашей политики. Съ тѣхъ поръ, какъ въ парижской городской ратушѣ утвердилась республика труда, вы безъ устали вопіете Франціи: „Вотъ они, преступники!“—Мастеръ мелкихъ государственныхъ плутней, артистъ въ вѣроломствѣ и предательствѣ, набившій руку въ банальныхъ подвохахъ, низкихъ уловкахъ и гнусномъ коварствѣ парламентской борьбы партій; всегда готовый произвести революцію, какъ только слетитъ съ занимаемаго мѣста, и затопить ее въ крови, какъ только захватитъ власть въ свои руки; напиčkанный классовыми предразсудками вмѣсто идей, вмѣсто сердца надѣленный тщеславіемъ, такой же грязный въ частной жизни, какъ и въ жизни общественной, онъ даже и теперь, разыгрывая роль французскаго Суллы, не можетъ удержаться, чтобы не подчеркнуть мерзости своихъ дѣяній своей жалкой величавостью.

Капитуляція Парижа, отдавшая во власть Пруссіи не только Парижъ, но и всю Францію, закончила собою рядъ вѣроломныхъ интригъ съ врагомъ, начатыхъ узурпаторами 4-го сентября, по словамъ самого Трошию, въ самый день захвата ими власти. Съ другой стороны, эта капитуляція была началомъ гражданской войны, которую они повели противъ республики и Парижа, будучи обезпечены поддержкой пруссаковъ. Ловушка была уже въ самомъ текстѣ капитуляціи. Болѣе трети страны было въ рукахъ врага; столица была отрѣзана отъ провинцій, пути сообщенія испорчены. При такомъ состояніи страны приступить къ избранію лицъ, могущихъ явиться дѣйствительными представителями Франціи, возможно было лишь послѣ достаточной подготовки. Именно поэтому въ капитуляціи и былъ установленъ недѣльный срокъ для выборовъ въ Національное Собраніе, такъ что въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи извѣстіе о предстоящихъ выборахъ было получено лишь наканунѣ самыхъ выборовъ. Далѣе, какъ гласитъ одна изъ статей капитуляціи, собраніе должно было быть избрано единственно съ цѣлью рѣшенія вопроса о мирѣ и войнѣ, а, въ случаѣ необходимости, и для заключенія мирнаго договора. Страна должна была почувствовать, что условія перемирія дѣлали далѣе невыносимымъ веденіе войны и что для заключенія мира, предписаннаго Бисмаркомъ, худшіе люди Франціи окажутся самыми пригодными. Но, не довольствуясь этими мѣрами предосторожности, и прежде, чѣмъ тайна перемирія была со-

общена парижанамъ, Тьеръ предпринялъ избирательную поѣздку по всей странѣ, чтобы оживить трупъ партіи легитимистовъ; эта партія виѣстъ съ орлеанистами должна была замѣнить бонапартистовъ, немислимыхъ въ ту минуту. Бонапартистовъ онъ не боялся. Какъ правительство современной Франціи, они были немислимы, а потому и не были, какъ соперники, опасны: вся дѣятельность этой партіи, по словамъ самого Тьера, (въ палатѣ депутатовъ 5 января 1833 г.) „постоянно держалась на трехъ столбахъ: иноземномъ вторженіи, гражданской войнѣ и анархіи“; эта партія поэтому являлась какъ нельзя болѣе удобнымъ орудіемъ реакціи. Но легитимисты въ серьезъ увѣровали въ наступленіе ихъ „царства славы“. И въ самомъ дѣлѣ, Франція снова была брошена подъ ноги иноземнымъ врагамъ, имперія была опять ниспровергнута; Бонапартъ опять попалъ въ плѣнъ, и они опять воскресли. Очевидно, колесо исторіи повернуло назадъ до *Chambre introuvable* 1816 г. Въ 1848—1851 г.г. во время республики ихъ вождями выступали образованные и опытные въ парламентской борьбѣ люди; теперь выступили на первый планъ заурядныя личности партіи—всякая сволочь Франціи.

По открытіи въ Бордо этой „помѣщичьей палаты“, этого собранія „деревенщины“, Тьеръ не допустилъ ихъ даже къ парламентскимъ преніямъ, а просто заявилъ имъ, что они немедленно должны принять предварительныя условія мира, такъ какъ это непремѣнное условіе Пруссіи, на которомъ она только и позволитъ имъ начать войну противъ республики и ея оплота—Парижа. И въ самомъ дѣлѣ, контръ-революціи некогда было раздумывать. Вторая Имперія увеличила государственный долгъ вдвое, всѣ большіе города были обременены тяжелыми мѣстными долгами. Война возвысила пассивъ до крайнихъ предѣловъ и страшно истощила источники доходовъ націи. Мало того: прусскій Шейлокъ стоялъ на французской почвѣ съ своими квитанціями на провіантъ для пятисотъ тысячнаго войска, съ требованіемъ уплаты контрибуціи въ 5 миллиардовъ и 5 процентовъ неустойки за просроченные взносы. Кто долженъ былъ платить за все это? Только посредствомъ насильственнаго низверженія республики собственники богатства могли свалить тяжесть ими же вызванной войны на плечи производителей этого богатства. Такимъ образомъ, невиданное дотолѣ розореніе Франціи побудило этихъ патриотовъ—представителей поземельной собственности и капитала—открыто завершить внѣшнюю войну, подъ высокимъ покровительствомъ чужеземнаго завоевателя и на глазахъ у него, гражданскою войною, бунтомъ рабовладѣльцевъ.

Успѣху ихъ замысла мѣшало одно громадное препятствіе— Парижъ. Обезоруженіе Парижа было первымъ условіемъ успѣха. Вслѣдствіе этого, Тьеръ и обратился къ Парижу съ требованіемъ сложить оружіе. Все было сдѣлано, чтобы вывести Парижъ изъ терпѣнія: помѣщичья палата раздражалась самыми неистовыми анти-республиканскими воплями; Тьеръ самъ двусмысленно острилъ надъ правомъ республики на существованіе; Парижу угрожали развѣнчать его и лишить званія столицы (*décapiter et décapitaliser*); орлеанисты назначались посланниками; Дюфоръ издавалъ свои законы о неоплаченныхъ въ срокъ векселяхъ и квартирныхъ неустойкахъ,—законы, грозившіе подорвать въ корнѣ торговлю и промышленность Парижа; по настоянію Пуйэ—Кертъе на каждый экземпляръ какого бы то ни было изданія вводился двухсантимный налогъ; Бланки и Флурансъ были приговорены къ смерти; республиканскія газеты закрывались; Національное Собраніе перевели въ Версаль; осадное положеніе, объявленное Паликао и снятое 4-го сентября, было возобновлено; Винуа, герой 2-го декабря, былъ назначенъ губернаторомъ; жандармъ Валянтэнъ—префектомъ полиціи, іезуитъ Орель-де-Паладинъ,—главнокомандующимъ парижской національной гвардіи.

Теперь мы спросимъ у г. Тьера и членовъ правительства народной обороны, его приказчиковъ, о слѣдующемъ: извѣстно, что г. Тьеръ заключилъ при посредствѣ своего министра финансовъ Пуйэ-Кертъе заемъ въ два миллиарда, долженствовавшій быть немедленно оплаченнымъ. Такъ вотъ, правда это или нѣтъ: 1) что дѣльце было устроено такимъ образомъ, что нѣсколько сотъ милліоновъ „комиссіи“ очутились въ карманахъ Тьера, Жюля Фавра, Эрнеста Пикара, Пуйэ-Кертъе и Жюля Симона; 2) что уплату обзывались произвести только по „умиротвореніи“ Парижа?

Во всякомъ случаѣ нужда въ деньгахъ была, очевидно, самая крайняя, такъ какъ Тьеръ и Жюль Фавръ, самымъ безстыднымъ образомъ, настаивали отъ имени Бордосскаго Собранія на занятіи Парижа прусскими войсками. Но такой шагъ не входилъ въ политику Бисмарка, какъ онъ, по возвращеніи своемъ въ Германію, насмѣшливо и во всеуслышаніе рассказалъ изумленнымъ франкфуртскимъ филистерамъ.

II.

Вооруженный Парижъ являлся единственнымъ серьезнымъ препятствіемъ для контръ-революціоннаго заговора; и по сему требовалось его обезоружить. По этому поводу Бордосская палата вы-

сказалась съ полнѣйшею откровенностью. Даже если бы яростный ревъ депутатовъ „помѣщицкѣй палаты“ и не былъ такъ ясенъ, то отдача Парижа Тьеромъ подъ начало триумvirата изъ декабрьскаго убійцы Винуа, бонапартистскаго жандарма Валянтэна и іезуита Ореля-до-Паладина не оставляла мѣста ни малѣйшему сомнѣнію. Не скрывая истиннаго смысла обезоруженія Парижа, заговорщики требовали этого отъ самого Парижа подъ такимъ предлогомъ, который являлся самой вопіющею и наглою ложью. Артиллерія національной гвардіи, заявляль Тьеръ, есть собственность государства, а по сему подлежитъ возврату ему. На самомъ же дѣлѣ факты таковы: Парижъ былъ подъ ружьемъ съ самаго дня сдачи, когда плѣнники Бисмарка предали ему Францію, выговоривъ для себя значительную военную силу, съ очевидной цѣлью борьбы противъ Парижа. Національная гвардія переорганизовалась и передала главное начальство Центральному Комитету, избранному всей массой національныхъ гвардейцевъ, не считая кое-какихъ батальоновъ бонапартистовъ. Наканунѣ вступленія пруссаковъ въ Парижъ, Центральный Комитетъ сдѣлалъ распоряженіе о перевозкѣ на Монмартръ, въ Лавильетъ и въ Бельвилъ пушекъ и митральезъ, измѣнически оставленныхъ сдавшимися „капитулярами“. именно въ тѣхъ кварталахъ, въ которые должны были вступить пруссаки. Эта артиллерія была создана на суммы, собранныя самой національной гвардіей. Въ текстѣ капитуляціи 28 января она была официально признана частной собственностью національной гвардіи и, какъ таковая, не была включена въ общую массу государственнаго оружія, подлежавашаго выдачѣ побѣдителю. Тьеръ не имѣль ни малѣйшаго повода начать войну съ Парижемъ, и потому онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ наглому лжи, будто артиллерія національной гвардіи являлась государственной собственностью.

Это требованіе выдать артиллерію должно было служить, очевидно, только сигналомъ ко всеобщему обезоруженію Парижа, а слѣдовательно, и къ обезоруженію революціи 4-го сентября. Но эта революція была законной государственной формой Франціи. Республика, результатъ этой революціи, была признана побѣдителемъ въ текстѣ капитуляціи. Послѣ этой капитуляціи ее признали всѣ иностранныя державы: отъ имени республики было созвано Національное Собраніе. Единственнымъ законнымъ основаніемъ Бордоскаго Національнаго Собранія и его исполнительной власти являлась революція парижскихъ рабочихъ 4-го сентября. Если бы не революція 4-го сентября, это Національное Собраніе немедленно

должно было уступить свое мѣсто законодательному корпусу, который былъ избранъ въ 1869 г. всеобщей подачею голосовъ при французскомъ, а не при прусскомъ правленіи, и позднѣе былъ насильно разогнанъ революціей, Тьеръ и его ticket-of-leave-men должны были капитулировать, чтобы этимъ добиться охранныхъ грамотъ за подписью Луи Бонапарта, избавлявшихъ ихъ отъ необходимости путешествовать въ Каэнну. Національное Собраніе съ его полномочіемъ заключить миръ съ пруссаками было только однимъ изъ эпизодовъ этой революціи, дѣствительнымъ воплощеніемъ ея былъ все-таки вооруженный Парижъ, тотъ Парижъ, который произвелъ революцію, Парижъ, выдержавшій пятимѣсячную осаду со всѣми ужасами голода. Парижъ, который не взирая на „планъ Трошю, своимъ продолжительнымъ сопротивленіемъ далъ возможность вести упорную оборонительную войну провинціямъ. И нынѣ этотъ же Парижъ по унизительному приказу бордосскихъ рабовладѣльцевъ долженъ былъ или разоружиться, или признать, что революція 4-го сентября была не больше, чѣмъ простой передачей власти изъ рукъ Луи Бонапарта въ руки его соперниковъ роялистовъ; или же Парижу предстояло самоотверженно бороться за дѣло Франціи, спасти которую отъ полного паденія и возродить къ новой жизни было можно только революціей, разрушеніемъ того политическаго и социальнаго строя, который привелъ ко Второй Имперіи и самъ подъ ея покровительствомъ дошелъ до полного разложенія. Парижъ, испытавшій всѣ ужасы пятимѣсячнаго голода, не задумывался ни на минуту. Онъ былъ полонъ геройской отваги, онъ приготовился перенести всѣ тяжести борьбы съ французскими заговорщиками контрреволюціи, несмотря на то, что прусскія пушки угрожали ему съ высоты его же бастіоновъ. Но изъ отвращенія къ гражданской войнѣ, которая грозила Парижу, Центральный Комитетъ всецѣло придерживался оборонительнаго положенія, не обращая вниманія ни на дерзкія выходки Національнаго Собранія, ни на непрошенное вмѣшательство исполнительной власти въ его дѣла, ни на все болѣе и болѣе суживающееся кольцо войскъ вокругъ него и его предмѣстій.

И вотъ Тьеръ самъ началъ гражданскую войну; онъ отправилъ Винуа съ полицейскими и нѣсколькими линейными полками въ разбойничій походъ ночью на Монмартръ, чтобы, напавъ врасплохъ, захватить артиллерию національной гвардіи. Чѣмъ кончилась эта попытка, приведшая къ энергичному отпору національной гвардіи и къ братанію между войсками и народомъ,—всѣмъ извѣстно. Орельде-Паладинъ напечаталъ уже было заранѣе извѣщеніе о побѣдѣ,

а у Тьера были наготовѣ объявленія, возвѣщавшія о принятыхъ имъ мѣрахъ къ совершенію государственнаго переворота. Эти объявленія пришлось замѣнить манифестомъ, сообщавшимъ о благородной рѣшимости Тьера даровать національной гвардіи ея оружіе, въ надеждѣ, что оно будетъ употреблено на защиту правительства отъ бунтовщиковъ. Изъ 300-тысячной національной гвардіи только 300 человекъ отозвались на призывъ маленькаго Тьера присоединиться къ нему для защиты его отъ самыхъ себя. Славная рабочая революція 18-го марта безраздѣльно владѣла Парижемъ. Временнымъ ея правительствомъ былъ избранъ Центральный Комитетъ. Европа, казалось, на минуту усомнилась въ дѣйствительности совершавшихся передъ ея глазами поразительныхъ государственныхъ и военныхъ переворотовъ: не сонъ ли это изъ области давно минувшаго?

Съ 18-го марта до вторженія версальскихъ войскъ въ Парижъ, революція пролетаріевъ не была запятнана тѣми насиліями, которыми отличаются революціи и, особенно, контръ-революція „высшихъ классовъ“. Враги ея не смогли упрекнуть ее ни въ чемъ, развѣ только въ казни генераловъ Леконта и Клемана Тома и въ стычкѣ на Вандомской площади.

Бонапартовскій офицеръ, генераль Леконтъ, участвовавшій въ ночной экспедиціи противъ Монмартра, четыре раза отдавалъ 81-му линейному полку приказаніе стрѣлять по безоружной толпѣ, на площади Pigalle; когда же солдаты отказались исполнить его приказаніе, онъ обругалъ ихъ самымъ площаднымъ образомъ. Вмѣсто того, чтобы обратить оружіе противъ беззащитныхъ женщинъ и дѣтей, они разстрѣляли его же самаго. Укоренившіяся въ нихъ, въ школѣ враговъ рабочаго класса, солдатскія привычки не могли, разумѣется, безслѣдно исчезнуть въ нихъ въ ту же минуту, какъ только они перешли на сторону рабочихъ. Они же разстрѣляли и Клемана Тома.

„Генераль“ Клеманъ Тома, недовольный своей карьерой, бывшій квартирмейстеръ, примкнулъ въ послѣдніе годы царствованія Луи Филиппа къ редакціи республиканской газеты „Le National“ въ качествѣ отвѣтственнаго болвана (gérant responsable, на обязанности котораго лежала отсидивать въ тюрьмѣ) и бреттера-дуэлиста при этомъ задорномъ органѣ. Когда послѣ февральской революціи собственники „National“ захватили въ свои руки власть, старый квартирмейстеръ былъ пожалованъ ими въ генералы. Это случилось передъ іюньской бойней, причиной которой отчасти былъ онъ и Жюль

Фавръ, и въ которой онъ игралъ самую гнусную роль палача. Послѣ этого онъ со своимъ генеральствомъ исчезъ изъ виду и не появлялся уже до 1-го ноября 1870 г. Наканунѣ этого дня „правительство народной обороны“ торжественно обѣщало въ ратушѣ Бланки, Флурансу и другимъ представителямъ рабочихъ передать захваченную имъ власть въ руки свободно избранной Парижской Коммуны. Въмѣсто исполненія обѣщанія, оно натравило на Парижъ бретонцевъ генерала Трошу, занявшихъ теперь мѣсто корсиканцевъ Бонапарта. Только генералъ Тамизье не захотѣлъ запятнить себя этимъ вѣроломствомъ и отказался отъ званія главнокомандующаго національной гвардіей. Замѣнившій его Клеманъ Тома снова окаялся генераломъ. Въ продолженіи всей своей службы онъ дѣйствовалъ не противъ пруссаковъ, а противъ парижской національной гвардіи. Онъ всѣми силами противился ея всеобщему вооруженію, науськивалъ буржуазные батальоны на рабочіе, устранилъ офицеровъ, не сочувствовавшихъ „плану“ Трошу, упразднялъ пролетарскіе батальоны, позоря ихъ обвиненіемъ въ трусости, — и это тѣ батальоны, доблести которыхъ удивляются теперь самые ярые противники ихъ. Клеманъ Тома страшно кичился тѣмъ, что ему снова удалось доказать на дѣлѣ свою личную вражду къ парижскому пролетаріату, которая такъ ярко проявилась въ іюньской бойнѣ 1848 г. За нѣсколько дней до 18-го марта онъ представилъ военному министру Лефло свой проектъ „разъ навсегда покончить съ цвѣтомъ парижской сволочи“. Послѣ пораженія Винуа онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи появиться на сценѣ въ качествѣ шпіона изъ любви къ искусству. Центральный Комитетъ и парижскіе рабочіе такъ же виновны въ смерти Клемана Тома и Леконта, какъ принцесса Уэльская въ смерти людей, раздавленныхъ въ толпѣ при вѣздѣ ея въ Лондонъ.

Мнимое избіеніе беззащитныхъ гражданъ на Вандомской площади есть сказка. Не даромъ молчали о ней Тьеръ и депутаты помѣщичьяго Национальнаго Собранія; распространять эту сказку они поручили лакеямъ европейской журналистики.

„Люди порядка“, французскіе реакціонеры, содрогнулись при извѣстіи о побѣдѣ революціи 18-го марта. Для нихъ она означала близость народной расправы. Призраки жертвъ ихъ „порядка“, замученныхъ ими начиная съ іюньскихъ дней 1848 г. до 22 января 1871 г., возстали передъ ними. Но они отдѣлались однимъ этимъ испугомъ. Полицейскихъ не только не обезоружили и не арестовали, какъ слѣдовало бы сдѣлать, а широко раскрыли передъ ними

ворота Парижа для бѣгства ихъ въ Версаль. „Сторонниковъ порядка“ не только оставили въ покоѣ, но имъ дана была возможность укрѣпиться на многихъ сильныхъ позиціяхъ въ сердцѣ самого Парижа. Эта снисходительность Центральнаго Комитета, этотъ образъ дѣйствій вооруженныхъ рабочихъ, столь не свойственный нравамъ „партіи порядка“, былъ принятъ ею за сознаніе рабочими своего безсилія. Вотъ почему у партіи порядка явился бессмысленный планъ по-пробовать посредствомъ мирной демонстраціи добиться того, чего не достигъ Винуа съ его пушками и митральезами. 22-го марта изъ богатѣйшихъ кварталовъ появилась шумная толпа „фешенебельныхъ господъ;“ она состояла изъ всяческихъ пшютовъ, а во главѣ ея были извѣстнѣйшіе выкорымыши имперіи, какъ Геекеренъ, Коэтлогонъ Анри-де-Пень и имъ подобные. Они шли трусливо прикрывшись лозунгомъ мирной демонстраціи, втайнѣ вооруженные, какъ разбойники, обезоруживая и оскорбляя попутно имъ встрѣчавшіеся посты и потрули національной гвардіи. Они вышли съ улицы Мира (Rue de la Paix) на Вандомскую площадь съ криками: „Долой Центральный Комитетъ! долой убійць! да здравствуетъ Национальное Собраніе!“ и ринулись впередъ, съ цѣлью прорвать линію караульныхъ постовъ и захватить главную квартиру національной гвардіи, которая находилась за этой линіей. На выстрѣлы изъ револьверовъ имъ отвѣчали обычнымъ предложеніемъ разойтись, и когда это приглашеніе осталось безъ послѣдствій, генераль національной гвардіи скомадовалъ стрѣлять. *Одинъ* залпъ обратилъ въ безпорядочное бѣгство эту толпу пустыхъ головъ, воображавшихъ, будто одно появленіе „приличнаго общества“ подѣйствуетъ на парижскую революцію, какъ трубы Иисуса Навина на стѣны Іерихона. „Демонстрантами“ было убито два національныхъ гвардейца и тяжело ранено девять (въ числѣ послѣднихъ—одинъ изъ членовъ Центральнаго Комитета); вся мѣстность, гдѣ произошелъ этотъ подвигъ „партіи порядка“, была усѣяна револьверами, кинжалами, палками со стилетами и тому подобными вещественными доказательствами „безоружнаго“ характера ихъ „мирной“ демонстраціи. Когда 13 го іюня 1849 г. національная гвардія, протестуя противъ разбойничьяго захвата Рима французскими войсками, устроила дѣйствительно мирную демонстрацію, генераль „партіи порядка“ того времени, Шангарнье, былъ провозглашенъ Национальнымъ Собраніемъ и особенно Тьеромъ, спасителемъ отечества за то, что онъ спустилъ отовсюду свои войска на беззащитную массу, которую тѣ разстрѣливали, рубили саблями и топтали лошадьми. Парижъ объявили тогда на осадномъ положе

ни. Дюфоръ провель въ Національномъ Собраніи цѣлый рядъ новыхъ драконовыхъ законовъ; произвели массу арестовъ и ссылокъ; воцарился терроръ. „Низшіе классы“ поступаютъ иначе. Центральный Комитетъ 1871 года просто не обратилъ вниманія на обратившихся въ бѣгство героевъ „мирной демонстраціи“, такъ что черезъ два дня они могли устроить уже *вооруженную* демонстрацію подъ предводительствомъ адмирала Сэссэ, закончившуюся ранѣе задуманнымъ ими бѣгствомъ въ Версаль. Центральный Комитетъ, упорно отказываясь вести гражданскую войну, начатую Тьеромъ его ночной экспедиціей противъ Монмартра, сдѣлалъ роковую ошибку: надо было немедленно пойти на Версаль—Версаль не имѣлъ тогда достаточныхъ средствъ къ оборонѣ—и разъ на всегда покончить съ конспираціями Тьера и его помѣщицкѣй палаты. Въмѣсто этого „партію порядка“ допустили снова попытать свои силы на выборахъ въ Коммуну 26-го марта. Въ этотъ день „люди порядка“ усердствовали въ мѣряхъ округовъ съ рѣчами примиренія, давая себѣ, разумѣется, втайнѣ торжественную клятву кроваво отомстить своимъ чрезмѣрно великодушнымъ побѣдителямъ.

Посмотримъ теперь на обратную сторону медали! Тьеръ предпринялъ вторую экспедицію противъ Парижа въ началѣ апрѣля. Съ первой партіей плѣнныхъ парижанъ, приведенныхъ въ Версаль, поступили самымъ гнуснымъ образомъ. Эрнестъ Пикаръ, запусивъ руки въ карманы штановъ, шнирлялъ между рядами ихъ и всячески насмѣхался надъ ними; а жены Тьера и Фавра, окруженныя своей женской свитой, рукоплескали съ балкона подлымъ выходкамъ версальской черни. Плѣнныхъ солдатъ линейныхъ полковъ растрѣливали безапелляціонно. Нашъ храбрый другъ, генераль Дюваль, литейщикъ, былъ разстрѣлянъ безъ всякаго суда и слѣдствія. Галлифэ, „Альфонсъ“ своей жены, безстыдно выставившей на показъ свое тѣло на оргіяхъ Второй Имперіи, кичился въ своей прокламаціи тѣмъ, что это онъ распоряжался избіеніемъ, совершеннымъ его стрѣлками надъ отрядомъ національной гвардіи вмѣстѣ съ капитаномъ и поручикомъ,—отрядомъ, на который имъ удалось напасть врасплохъ и обезоружить. Винуа, бѣжавшій изъ Парижа, получилъ отъ Тьера большой крестъ ордена Почетнаго Легіона за изданіе дневнаго приказа, предписавшаго разстрѣливать каждаго солдата, захваченнаго среди коммунаровъ. Жандарма Дэмарэ (Desmaret) наградили орденомъ за то, что онъ измѣннически изрубилъ, какъ мясникъ, въ куски ричарски-великодушнаго Флуранса—того самаго Флуранса, который 31-го октября 1870 г. спасъ головы членовъ

правительства народной обороны. Объ „ободряющихъ подробностяхъ“ этой бойни Тьеръ съ явнымъ удовольствіемъ разглагольствовалъ на одномъ изъ засѣданій Национальнаго Собранія. Съ надутымъ тщеславіемъ парламентскаго мальчикъ-съ-пальчика, которому позволили позировать въ роли Тамерлана, онъ отказался признать за людьми, возставшими противъ его карликаго величія, право воюющей стороны и не хотѣлъ соблюдать даже нейтралитета относительно ихъ перевязочныхъ пунктовъ. Не было ничего гнуснѣе этой обезьяны, которой дали власть удовлетворять ея инстинкты тигра,— обезьяны-тигра, портретъ которой нарисовалъ намъ Вольтеръ.

Несмотря на декретъ Коммуны отъ 7-го апрѣля, въ которомъ она угрожала возмездіемъ, объявляя, что считаетъ своей обязанностью „защищать Парижъ отъ каннибальства версальскихъ разбойниковъ и требовать око за око и зубъ за зубъ“, Тьеръ ничѣмъ не поскупился въ своемъ варварскомъ обращеніи съ плѣнными; онъ все такъ же глумился надъ ними, печатавъ въ своихъ бюллетеняхъ, что „никогда печальный взоръ честныхъ людей еще не видѣлъ болѣе безчестныхъ лицъ, болѣе безчестной демократіи“,— взоръ честныхъ людей, вродѣ Тьера и его ticket-of-leave-men. Тѣмъ не менѣе разстрѣливаніе плѣнныхъ временно прекратилось. Но какъ только Тьеръ и его генералы—герои декабрьскаго (1951 г.) переворота,—узнали, что объявленіе возмездія Коммуной было простой угрозой, оставшейся безъ послѣдствій, что были пощадены даже шпіоны—жандармы, арестованные въ Парижѣ переряженными въ національныхъ гвардейцевъ, и полицейскіе, схваченные съ зажигательными снарядами,—какъ только они узнали объ этомъ, они начали снова массовое разстрѣливаніе плѣнныхъ, продолжавшееся уже непрерывно до конца. Дома, въ которыхъ укрывались національные гвардейцы, жандармы окружали, обливали керосиномъ (здѣсь онъ былъ въ первый разъ употребленъ въ этой войнѣ) и поджигали; обугленные трупы были извлечены въ послѣдствіи амбулаторіей de la Presse (et les Ternes). Четыре національныхъ гвардейца, сдавшіеся въ Belle—Eripe 25 апрѣля коннымъ стрѣлкамъ, были разстрѣлены по одиночкѣ капитаномъ этихъ стрѣлковъ, достойной креатурой Галлифэ. Одинъ изъ этихъ гвардейцевъ, Шефферъ, котораго стрѣлки приняли за мертваго, кое какъ доползъ до парижскихъ фортовъ и засвидѣтельствовалъ объ этомъ фактѣ передъ одной изъ комиссій Коммуны. Когда Толэнъ запросилъ, по поводу отчета этой комиссії, военнаго министра Лефло, депутаты „помѣщичьей палаты“ заглушили его слова крикомъ и не дали Лефлю отвѣчать: было бы оскорбле-

ніемъ для ихъ „славной“ арміи—говорить о ея подвигахъ. Небрежный тонъ бюллетеней Тьера, сообщавшихъ о заколотыхъ штыками сонныхъ коммунарахъ въ Муленъ Сакэ, о массовомъ разстрѣливаніи въ Клананѣ, оскорбилъ чувствительность даже лондонскаго *Times'a*, не отличающагося обыкновенно особенною чувствительностью. Но было бы тщетной попыткой пересчитать всѣ жестокости людей, бомбардировавшихъ Парижъ, зачинщиковъ рабовладѣльческаго бунта подъ покровительствомъ чужеземнаго завоевателя. Среди всѣхъ этихъ ужасовъ Тьеръ забываетъ свои парламентскія фразы о страшной отвѣтственности, возложенной на его плечи лилипута, онъ кичится въ своихъ бюллетеняхъ тѣмъ, что *l'Assemblée siège paisiblement* (собраніе засѣдаетъ благополучно) и доказываетъ парадными объѣдами со своими генералами—героями декабрьскаго переворота, или съ нѣмецкими принцами, что его пищевареніе не испортили даже призраки Леконта и Клемона Тома.

III.

Утромъ 18 марта 1871 года Парижъ былъ разбуженъ громовыми криками: „Да здравствуетъ Коммуна!“ Что же такое эта Коммуна, этотъ сфинксъ, задавшій такую тяжелую задачу буржуазнымъ мозгамъ?

„Парижскіе пролетаріи“, писалъ въ манифестѣ отъ 18-го марта Центральный Комитетъ, „видя пораженіе и измѣну господствующихъ классовъ, поняли, что настала часть, когда они сами должны спасти страну, взявъ въ свои руки управленіе общественными дѣлами... Они поняли, что на нихъ возложенъ этотъ долгъ, что имъ принадлежитъ неоспоримое право стать господами собственной судьбы и взять въ свои руки правительственную власть“. Но рабочій классъ не можетъ просто завладѣть готовой государственной машиной и заставить ее служить своимъ собственнымъ цѣлямъ.

Центральная государственная власть со своими вездѣсущими органами, основанными на принципѣ систематическаго и іерархическаго раздѣленія труда: регулярной арміей, полиціей, бюрократіей, духовенствомъ и судьями,—существуетъ со временъ абсолютной монархіи, когда она служила сильнымъ оружіемъ нарождавшемуся буржуазному обществу въ борьбѣ его съ феодализмомъ. Но помѣстныя и дворянскія прерогативы, мѣстныя привилегіи, городскія и цеховыя монополіи и провинціальныя уложенія—весь этотъ средне-вѣковый хламъ задерживалъ ея развитіе. Исполнское помело фран-

цузской революціи 18-го столѣтія смело весь отжившій соръ давно минувшихъ вѣковъ и очистило, такимъ образомъ, общественную почву отъ послѣднихъ помѣхъ для сооруженія зданія современнаго государства. Это зданіе воздвигнуто было при первой имперіи, вызванной, съ своей стороны, къ жизни коалиціонными войнами старой полуфеодальной Европы съ новой Франціей. При дальнѣйшемъ развитіи формъ господства, правительство было подчинено парламентскому контролю, т. е. непосредственному контролю имущихъ классовъ. Съ одной стороны оно превратилось въ разсадникъ неисчислимыя государственныхъ долговъ и тяжелыхъ налоговъ, оно стало яблокомъ раздора между конкурирующими фракціями и авантюристами господствующихъ классовъ, которыхъ влекло къ нему—его административная сила, его доходы и должности, которыми оно располагало; съ другой стороны, подъ влияніемъ экономическихъ измѣненій въ обществѣ, измѣнился и его политическій характеръ. По мѣрѣ того, какъ прогрессъ современной промышленности развивалъ, расширялъ и углублялъ классовую противоположность между капиталомъ и трудомъ, государственная власть все въ большей степени приобретала характеръ общественной силы, служащей для порабощенія рабочаго класса, характеръ орудія для классоваго господства. Послѣ каждой революціи, являющейся шагомъ впередъ въ классовой борьбѣ, характеръ государственной власти, какъ орудія только угнетенія, выступаетъ все опредѣленнѣе. Революція 1830 года отняла власть у поземельныхъ собственниковъ и отдала ее капиталистамъ, т. е. изъ рукъ болѣе отдаленныхъ враговъ рабочаго класса передала ее болѣе непосредственнымъ врагамъ ихъ. Республиканцы—буржуа именемъ февральской революціи захватили государственную власть и употребили ее на то, чтобы устроить іюньскую бойню; они этою бойнею доказали рабочему классу, что „соціальная“ республика есть ничто иное, какъ соціальное порабощеніе его республикою; а буржуа—роялистамъ и поземельнымъ собственникамъ,— что они могутъ безпрепятственно предоставить буржуа—республиканцамъ заботы и денежныя выгоды управленія. Но послѣ іюньскаго подвига буржуа—республиканцы должны были перейти изъ первыхъ рядовъ „партіи порядка“ въ послѣдніе ряды этой коалиціи, образовавшейся изъ всѣхъ враждующихъ фракцій и партій имущихъ классовъ, вставшихъ теперь въ открытую противоположность къ классамъ производительнымъ. Самою подходящею формою для ихъ совмѣстнаго управленія оказалась парламентская республика съ Луи Бонапартомъ, какъ президентомъ во главѣ; это было правительство неприкрытаго

классоваго террора и умышленнаго оскорбленія „подлой черни“. По словамъ Тьера, парламентская республика была такой формой правленія, которая меньше всѣхъ другихъ раздѣляла различныя фракціи господствующаго класса, но за то она открыла пропасть между этимъ немногочисленнымъ классомъ и всѣмъ общественнымъ организмомъ, жившимъ внѣ его. Если при прежнихъ правительствахъ раздоры внутри этого класса возлагали извѣстныя ограниченія на государственную власть, то теперь, благодаря объединенію имущаго класса, эти ограниченія отпали. Въ виду угрожавшаго возстанія пролетаріата, объединившійся имущій классъ сталъ безсовѣстно и нагло пользоваться государственною властью, какъ національнымъ оружіемъ капитала противъ труда. Но его крестовый походъ противъ массы производителей заставилъ, съ одной стороны, давать исполнительной власти все больше и больше правъ по подавленію сопротивленія, съ другой — постепенно отнимать у парламентской твердыни—Национальнаго Собранія—всѣ его средства обороны противъ исполнительной власти: и Луи Бонапартъ, представлявшій собой эту исполнительную власть, разогналъ представителей имущаго класса. Вторая Имперія явилась естественнымъ слѣдствіемъ республики „партіи порядка“.

Имперія, которой государственный переворотъ служилъ метрикой, всеобщая подача голосовъ—санкціей, а сабля—скипетромъ, заявляла притязаніе на то, что опирается на крестьянъ, на эту массу производителей, которая не участвовала непосредственно въ борьбѣ между капиталомъ и трудомъ. Имперія выдавала себя за спасительницу рабочаго класса на томъ основаніи, что она разрушила парламентаризмъ а вмѣстѣ съ нимъ и неприкрытое подчиненіе правительства имущимъ классамъ на томъ основаніи, что она поддержала ихъ экономическое господство надъ рабочимъ классомъ. И наконецъ, она заявляла притязанія за объединеніе всѣхъ классовъ вокругъ вновь ожившаго призрака національной славы. Въ дѣйствительности, имперія была единственно возможной формой правленія въ такое время, когда буржуазія уже потеряла способность управлять народомъ, а рабочій классъ еще не приобрѣлъ этой способности. Весь міръ привѣтствовалъ имперію, какъ спасительницу общества. Подъ господствомъ ея, буржуазное общество, освобожденное отъ политическихъ заботъ, достигло такой высокой степени развитія, о которой оно не могло и мечтать. Промышленность и торговля разрослись въ необъятныхъ размѣрахъ; биржевая спекуляція праздновала свои космополитическія оргіи; нищета массъ рѣзко выступала рядомъ съ

нахальнымъ блескомъ безпутной роскоши, нажитой надувательствомъ и преступленіемъ. Государственная власть, стоявшая, повидимому, высоко надъ обществомъ, была въ дѣйствительности самымъ вопіющимъ скандаломъ этого общества, разсадникомъ всяческой мерзости. Штыки Пруссіи, жаждавшіе перенести центръ, тяжести этой системы управленія изъ Парижа въ Берлинъ, обнажили всю гнилость этой государственной власти и гнилость спасеннаго ею общества. Имперіализмъ есть самая проституированная и самая послѣдняя форма той государственной власти, которая была создана зарождавшимся буржуазнымъ обществомъ, какъ орудіе его освобожденія отъ феодализма и которую буржуазія, когда она вполнѣ развилась, превратила въ орудіе порабощенія труда капиталу.

Коммуна была прямой противоположностью имперіи. Крикъ: „да здравствуетъ социальная республика“, которымъ парижскій пролетаріатъ привѣтствовалъ февральскую революцію, выражалъ лишь неясное стремленіе къ такой республикѣ, которая не только уничтожила бы монархическую форму классоваго господства, но и самое классовое господство. Коммуна и явилась именно опредѣленной формой такой республики.

Парижъ, бывшій резиденціей и центромъ старой правительственной власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общественнымъ центромъ французскаго рабочаго класса. Парижъ возсталъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ попытки Тьера и его помѣщицкѣй палаты возстановить и увѣковѣчить эту старую правительственную власть, оставшуюся въ наслѣдство отъ имперіи. Парижъ могъ сопротивляться Версалю только потому, что осада освободила его отъ арміи, мѣсто которой заняла національная гвардія, комплектовавшаяся большей частью изъ рабочихъ. Этотъ фактъ надо было превратить въ прочное учрежденіе, и потому первымъ декретомъ Коммуны былъ декретъ объ уничтоженіи регулярнаго войска и о замѣнѣ его вооруженнымъ народомъ. Коммуна была образована изъ муниципальных, совѣтниковъ (городскихъ гласныхъ), выбранныхъ парижскими округами посредствомъ всеобщей подачи голосовъ. Члены ея были ответственны и смѣняемы въ любое время. Большинство ихъ было, какъ это само собою разумѣется, рабочими или извѣстными представителями рабочаго класса. Коммуна должна была быть не парламентскимъ учрежденіемъ, а дѣловой коллегіей, соединявшей въ себѣ какъ исполнительную, такъ и законодательную власть. У полиціи, бывшей до сихъ поръ орудіемъ государственнаго правительства, были немедленно стѣпаны всѣ ея политическія функціи и она была превращена

въ отвѣтственное и во всякое время смѣняемое орудіе Коммуны. Та же судьба постигла чиновниковъ и другія отрасли управленія. Начиная съ членовъ Коммуны и до самыхъ низовъ, общественныя должности оплачивались жалованьемъ въ размѣрѣ заработной платы. Привилегіи и оклады на представительство, которыми пользовались высшіе сановники, исчезли вмѣстѣ съ ними. Общественныя должности перестали быть частной собственностью креатуръ центрального правительства. Не только городское управленіе, но и вся инициатива, принадлежащая доселѣ государству, перешла къ Коммунѣ.

Уничтоживъ регулярную армію и полицію — эти орудія матеріальной силы стараго правительства, Коммуна приступила немедленно къ сокрушенію власти духовенства, этого орудія духовнаго порабощенія; она декретировала распущеніе и экспроприацію всѣхъ церквей, поскольку онѣ были корпораціями, владѣвшими имуществомъ. Священники должны были вернуться къ скромной жизни частныхъ людей и, подобно ихъ предшественникамъ — апостоламъ, жить милостынею вѣрующихъ. Всѣ учебныя заведенія, поставленныя внѣ вліянія церкви и государства, стали бесплатными для всѣхъ. Такимъ образомъ, школьное образованіе слѣлалось доступнымъ всѣмъ; съ науки были сняты оковы наложенныя классовыми предрасудками и правительственною властью.

Судей лишили той мнимой независимости, которая только скрывала ихъ подчиненность поочередно смѣнявшимся правительствамъ; они каждому правительству приносили присягу на вѣрность и каждому измѣняли. Какъ и прочія должностныя лица общества, они были сдѣланы выборными, отвѣтственными и смѣняемыми.

Парижская Коммуна должна была служить естественнымъ образцомъ всѣмъ большимъ промышленнымъ центрамъ Франціи. Если бы Коммуна водворилась въ Парижѣ и второстепенныхъ центрахъ, старое централизованное правительство уступило бы мѣсто самоуправленію производителей и въ провинціяхъ. Въ краткомъ очеркѣ національной организаціи, который Коммуна не успѣла подробно разработать, прямо говорится, что Коммуна должна стать политической формой самыхъ маленькихъ деревушекъ, и что постоянное войско должно быть замѣнено по всей странѣ народной милиціей съ самымъ краткимъ срокомъ службы. Собраніе уполномоченныхъ, засѣдающихъ въ главномъ городѣ округа, должно было завѣдывать общими дѣлами всѣхъ сельскихъ общинъ каждаго округа, а эти окружныя собранія въ свою очередь должны были посылать уполномоченныхъ въ національное Собраніе,

засѣдающее въ Парижѣ; уполномоченные должны были строго придерживаться инструкцій своихъ избирателей и могли быть смѣнены во всякое время. Немногія, но важныя функціи, оставшіяся еще у центральнаго правительства, должны были быть не уничтожены, какъ ложно говорили враги Коммуны, а лишь переданы коммунальнымъ чиновникамъ, т. е. такимъ, которые были строго отвѣтственны. Коммунальное устройство не разрушало, а, напротивъ, организовывало единство націи; это единство должно было превратиться въ нѣчто дѣйствительное съ уничтоженіемъ государственной власти, считавшейся воплощеніемъ этого единства, претендовавшей стоять выше націи и независимо отъ нея, а на дѣлѣ бывшей только паразитомъ на организмѣ націи. Уничтожая тѣ органы старой правительственной власти, которые служили только для угнетенія, Коммуна вырывала изъ рукъ этой власти, претендовавшей стоять выше общества, ея законныя функціи и отдавала ихъ отвѣтственнымъ слугамъ общества. Всеобщая подача голосовъ до сихъ поръ служила народу для выбора каждые три года или шесть лѣтъ какого-нибудь члена господствующаго класса, который представлялъ и подавлялъ народъ въ парламентѣ; теперь она должна была служить народу, организованному въ Коммуны, точно такъ же, какъ служитъ индивидуальное право голоса каждому работодателю при пріисканіи рабочихъ, надзирателей и бухгалтеровъ для своего предпріятія. Въдѣ общества, точно такъ же, какъ и отдѣльныя лица, всегда умѣютъ найти для своихъ практическихъ предпріятій подходящихъ людей, а если иногда ошибаются, то умѣютъ очень скоро поправить свою ошибку. Съ другой стороны, Коммуна, по самому существу своему, была безусловно враждебна замѣнѣ всеобщей подачи голосовъ іерархическою инвеститурою.

Всѣ новыя историческія формы общества принимаются обыкновенно за сколокъ съ болѣе старыхъ, отжившихъ формъ общественной жизни, на которыя онѣ сколько нибудь походятъ. Точно также и новую Коммуну, сломившую современную государственную власть, принимали за возрожденіе коммунъ среднихъ вѣковъ, предшествовавшихъ возникновенію этой государственной власти и составившихъ основу ея. Коммунальное устройство ошибочно считали попыткой замѣнить союзомъ маленькихъ государствъ (о которомъ мечтали Монтеスキе и жирондисты) то единство великихъ народовъ, которые хотя и создано было насиліемъ, но стало теперь могущественнымъ факторомъ общественнаго производства

Антагонизмъ Коммуны съ государственной властью ошибочно считали преувеличеніемъ старой борьбы противъ чрезмѣрной централизаціи. Въ нѣкоторыхъ странахъ полному развитію буржуазной формы правительства, образцомъ которой является Франція, мѣшали нѣкоторыя особыя историческія условія; эти условія создали, напр., то, что въ Англіи главные центральные государственные органы дополняются продажными приходскими собраніями (vestries), корыстолюбивыми членами городскихъ совѣтовъ, свирѣпыми попечителями обѣдныхъ въ городахъ и фактически наслѣдственными мировыми судьями въ деревняхъ. Всѣ тѣ силы которыя до сихъ поръ общественный организмъ терялъ благодаря „государству“, этому паразиту, питающемуся соками общества и мѣшающему ему свободно двигаться, всѣ эти силы вновь отдало бы ему коммунальное устройство. Уже однимъ этимъ оно способствовало бы возрожденію Франціи.

Буржуазія провинціальныхъ городовъ видѣла въ Коммунѣ попытку возстановить то господство надъ деревнею, которымъ она пользовалась при Луи Филиппѣ, и которое при Луи Бонапартѣ было вытѣснено мнимымъ господствомъ деревень надъ городами. Въ дѣйствительности, Коммуна хотѣла подчинить сельскихъ производителей умственному руководству окружныхъ городовъ, и обезпечить имъ въ городскихъ рабочихъ естественныхъ представителей ихъ интересовъ. Уже изъ факта существованія Коммуны естественно вытекало мѣстное самоуправленіе, но это мѣстное самоуправленіе не должно было больше служить противовѣсомъ государственной власти, становившейся совершенно излишней. Только какому-нибудь Бисмарку, употребляющему все время, свободное отъ интригъ, въ которыхъ на первомъ мѣстѣ всегда кровь и желѣзо, своему старинному, больше всего подходящему къ его умственнымъ способностямъ сотрудничанью въ „Kladderadatsch“,—только такому человеку могло прійти въ голову, что Парижская Коммуна въ сущности стремилась къ прусскому городскому устройству,—каррикатурѣ на французское городское устройство 1791 года, превращающей городскіе совѣты во второстепенныя колеса прусскаго государственнаго полицейскаго механизма.

Уничтоживъ двѣ крупнѣйшія статьи расходовъ: армію и чиновничество, Коммуна осуществила собою идеаль всѣхъ буржуазныхъ революцій—дешевое правительство. Самое существованіе ея было отрицаніемъ монархіи, которая является въ Европѣ, по крайней мѣрѣ, обычнымъ баластомъ и неизбѣжной маской классоваго господства.

Коммуна создала для республики фундаментъ дѣйствительно демократическихъ учреждений. Но ни „дешевое правительство“, ни „истинная республика“ не были конечной цѣлью ея; и то, и другое явилось само собою, между прочимъ.

Различныя толкованія значенія Коммуны, разнообразныя интересы, которые она выражала, доказываютъ, что она была весьма растяжимую государственною формою, межъ тѣмъ, какъ всѣ прежнія формы правительства были по существу своему формами угнетенія. Тайна ея заключается въ томъ, что она, по существу своему, была *правительствомъ рабочаго класса*, результатомъ борьбы между классомъ производящимъ и классомъ присваивающимъ, той давно искомой политической формой, въ которой могло бы совершиться экономическое освобожденіе труда.

Безъ этого послѣдняго условія Коммуна немислима, безъ него она пустой призракъ. Политическое господство производителей не можетъ существовать рядомъ съ увѣковѣченіемъ ихъ социальнаго рабства. Коммуна должна была поэтому служить орудіемъ ниспроверженія тѣхъ экономическихъ устоевъ, на которыхъ зиждется самое существованіе классовъ, а, слѣдовательно, и классовое господство. Разъ трудъ освобожденъ, всѣ стануть рабочими, и производительный трудъ перестанетъ быть особенностью извѣстнаго класса.

Странная вещь: стоитъ только рабочимъ гдѣ-нибудь взять дѣло въ свои руки, и тотчасъ, несмотря на все, что за послѣдніе 60 лѣтъ писалось и говорилось объ освобожденіи труда, начинаютъ раздаваться хвалебные гимны защитниковъ современнаго общества съ его двумя противоположными плюсами: капиталомъ и рабствомъ наемнаго труда (земельные собственники являются теперь лишь безгласными компаньонами капиталистовъ). Какъ будто-бы капиталистическое общество пребывало еще въ дѣвственной чистотѣ и непорочности! Какъ будто бы неразвиты были еще его основы, не вскрыты его самообманы не разоблачена вся его протитуированная дѣйствительность! Коммуна говорятъ они, хочетъ уничтожить собственность, основу всей цивилизаціи Да, милостивые государи. Коммуна хотѣла уничтожить эту классовую собственность, которая превращаетъ трудъ многихъ въ богатства немногихъ. Она хотѣла создать индивидуальную собственность, взаправду превративъ средства производства, землю и капиталъ, служащіе въ настоящее время прежде всего орудіями порабощенія и эксплуатаціи труда, въ орудія свободнаго ассоцірованнаго труда.

Но вѣдь это коммунизмъ, „невозможный“ коммунизмъ! Однако, нашлись же среди господствующихъ классовъ люди,—и ихъ не мало—которые поняли, что настоящее положеніе вещей не можетъ долго существовать; они стали назойливыми и крикливыми апостолами кооперативнаго производства. А если кооперативное производство не звукъ пустой и не обманъ, если оно должно вытѣснить капиталистическую систему, если ассоціаціи организуютъ національное производство по общему плану, возьмутъ его въ свое завѣдываніе и этимъ прекратятъ постоянную анархію и періодическія конвульсіи,—неизбѣжныя при капиталистическомъ производствѣ—, не будетъ ли это, спрашиваемъ мы васъ, милостивые государи, коммунизмомъ, „возможнымъ“ коммунизмомъ?

Рабочій классъ не требовалъ чудесъ отъ Коммуны. Онъ не думалъ осуществлять посредствомъ народнаго рѣшенія готовыхъ и законченныхъ утопій. Онъ знаетъ, что для того, чтобы добиться своего освобожденія и достигнуть той высшей формы жизни, къ которой неудержимо стремится современное общество въ силу собственного своего экономического развитія, ему придется выдержать упорную борьбу, пережить цѣлый рядъ историческихъ процессовъ, которые совершенно измѣнятъ и людей и обстоятельства. Рабочему классу предстоитъ не осуществлять какіе-либо идеалы, а лишь дать просторъ элементамъ новаго общества, которые уже развились въ нѣдрахъ разрушающагося буржуазнаго общества.

Вполнѣ сознавая свое историческое признаніе, полный геройской рѣшимости стоять на высотѣ этого призванія, рабочій классъ можетъ отвѣтить презрительной улыбкой на пошлую ругань-газетчиковъ-лакеевъ и на ученія назиданія благонамѣренныхъ буржуа-доктринеровъ, которые тономъ непогрѣшимаго оракула изрекаютъ свои лживыя общія мѣста и преподносятъ свои высиженные рецепты.

Когда Парижская Коммуна взяла на себя руководство революціей; когда простые рабочіе впервые рѣшились посягнуть на привилегію своего „естественнаго начальства“ — имущихъ классовъ именно, на привилегію управленія,—они взяли за работу при неслыханно-тяжелыхъ условіяхъ, и исполняли ее скромно, добросовѣстно и успѣшно; высшій размѣръ ихъ вознагражденія не превышалъ одной пятой части жалованья, получаемого, по словамъ извѣстнаго авторитета въ наукѣ (проф. Гексли), секретаремъ лондонскаго школьнаго совѣта. Старый міръ скорчило отъ бѣшенства, когда онъ увидѣлъ красное знамя надъ городскою ратушею,—символь республики труда.

Это была первая революція, въ которой рабочій классъ былъ открыто признанъ единственнымъ классомъ, способнымъ еще къ общественной инициативѣ; это призналъ парижскій средній классъ — мелкіе торговцы, ремесленники, купцы, всѣ за исключеніемъ богатыхъ капиталистовъ. Мудро разрѣшивъ вопросъ, бывший всегда причиной раздоровъ въ самомъ среднемъ классѣ—вопросъ о должникахъ и кредиторахъ—Коммуна, спасла этотъ классъ. Эта часть средняго класса участвовала въ 1848 году въ подавленіи іюнскаго возстанія рабочихъ, и сейчасъ же затѣмъ Учредительное Собраніе безцеремонно отдало ее въ жертву ея кредиторамъ. Но она примкнула теперь къ рабочимъ, не только поэтому. Она чувствовала, что ей приходится выбирать между Коммуной и Имперіей, какой бы ярлыкъ она ни носила. Имперія разорила средній классъ въ матеріальномъ отношеніи своимъ расхищеніемъ общественнаго богатства, покровительствомъ биржевой спекуляціи, искусственнымъ ускореніемъ централизаціи капитала и вызываемой ею экспропріаціи значительной части этого средняго класса. Имперія политически угнетала его и нравственно возмущала своими орудіями; она оскорбляла его вольтерьянство, поручая воспитаніе его дѣтей „невѣжественнымъ патерамъ“; она возмутила его національное чувство, затѣявъ эту войну, которая вознаградила за всѣ ея бѣдствія только однимъ — ниспроверженіемъ имперіи. Послѣ бѣгства изъ Парижа шайки высшихъ бонапартовскихъ сановниковъ и капиталистовъ, истинная „партія порядка“ средняго класса выступившая, подъ именемъ „Республиканскаго Союза“, стала подъ знамя Коммуны и защищала ее отъ клеветы Тьера. Выдержитъ ли признательность этой массы средняго класса теперешнія тяжелыя испытанія—это покажетъ будущее. Коммуна имѣла полное право объявить крестьянамъ: „Наша побѣда—ваша надежда!“ Самой наглой клеветой, пущенной въ ходъ въ Версали и разнесенной по всему свѣту достославными башибузуками европейской печати, было утвержденіе, что помѣщики Національнаго Собранія являлись представителями французскихъ крестьянъ.

Не правда-ли, какъ правдоподобна эта внезапно вспыхнувшая во французскихъ крестьянахъ любовь къ людямъ, которымъ они послѣ 1815 г. должны были заплатить мидліардъ вознагражденія! Въ глазахъ французскаго крестьянина уже самое существованіе крупнаго поземельнаго собственника есть посягательство на его завоеванія 1789 года.

Въ 1848 г. буржуа обложили землю крестьянъ добавочнымъ налогомъ въ 45 сантимовъ на франкъ, но это сдѣлали именемъ революціи; теперь они же затѣяли гражданскую войну противъ революціи, чтобы взвалить на плечи крестьянъ главную тягость 6-ти миллиардной контрибуціи, которую они обязались уплатить пруссакамъ.

Коммуна, напротивъ, заявила въ одной изъ первыхъ же своихъ прокламацій, что бремя войны должны нести настоящіе виновники ея. Коммуна освободила бы крестьянина отъ „налога крови“, дала бы ему дешевое правительство, замѣнило бы такихъ пивовъ, какъ нотаріуса, адвоката, судебного пристава и проч.—наемными коммунальными чиновниками, выбираемыми имъ самимъ и отвѣтственными передъ нимъ. Она освободила бы его отъ произвола полевого сторожа, жандарма и префекта, она замѣнила бы отупляющаго его умъ священника, просвѣщающимъ его школьнымъ учителемъ.

Французскій крестьянинъ прежде всего разсчетливъ. Онъ нашель бы вполне разумнымъ платитъ поамъ не изъ суммъ, взимаемыхъ сборщиками податей, а изъ добротныхъ пожертвованій, размѣръ которыхъ зависѣлъ бы отъ степени набожности общины. Вотъ какія существенныя блага обѣщало непосредственное господство Коммуны—и только Коммуны—французскимъ крестьянамъ. Поэтому излишне останавливаться здѣсь на тѣхъ болѣе сложныхъ и дѣйствительно жизненныхъ вопросахъ, которые только одна Коммуна могла и необходимо должна была рѣшить въ пользу крестьянъ;—таковы вопросы объ ипотечномъ долгѣ, который тяготѣлъ на крестьянской землѣ, о сельскомъ пролетаріатѣ, возрастающемъ со дня на день, объ экспроприаціи самихъ крестьянъ, которая совершалась все быстрѣе и быстрѣе, благодаря развитію новѣйшаго сельскаго хозяйства и конкуренціи капиталистическаго земледѣлія.

Луи Бонапартъ былъ избранъ французскимъ крестьянствомъ въ президенты республики, Вторую же Имперію создала „партія порядка“. Въ 1849 и 50 гг. французскій крестьянинъ, противопоставляя повсюду своего мэра правительственному префекту, своего школьнаго учителя—правительственному священнику, себя самого—правительственному жандарму, началъ этимъ показывать, что ему нужно на самомъ дѣлѣ. Всѣ реакціонные законы, изданные „партіей порядка“ въ февралѣ 1850 г. были направлены, по ея собственному признанію, противъ крестьянъ. Крестьянинъ былъ бонапартистомъ потому что онъ отождествлялъ великую революцію и принесенныя ему ею выгоды съ именемъ Наполеона. Этотъ самообманъ при Второй Имперіи быстро исчезалъ.

Этотъ предрасудокъ прошлаго (по существу своему враждебный стремленіямъ „помѣщиковъ“), не могъ бы устоять противъ призыва Коммуны къ жизненнымъ интересамъ и насущнымъ потребностямъ крестьянъ. Помѣщики отлично понимали (и этого они больше всего боялись), что, если коммунальный Парижъ будетъ свободно сообщаться съ провинціями, то черезъ какіе-нибудь три мѣсяца вспыхнетъ поголовное крестьянское, возстаніе. Потому-то они такъ трусливо спѣшили окружить Парижъ полицейскою блокадой, чтобы помѣшать распространенію заразы.

Коммуна служила истинною представительницею всѣхъ здоровыхъ элементовъ французскаго общества; она была поэтому дѣйствительно національнымъ правительствомъ. Но будучи правительствомъ рабочихъ, смѣлой поборницей освобожденія труда, она являлась въ то же время международной въ полномъ смыслѣ этого слова. Передъ лицомъ прусской арміи, присоединившей къ Германіи двѣ французскія провинціи, Коммуна присоединяла къ Франціи рабочихъ всего міра.

Вторая Имперія была праздникомъ космополитическаго мещеничества. На ея призывъ изъ всѣхъ странъ бросились грабители, чтобы принять участіе въ ея оргіяхъ и въ ограбленіи французскаго народа. Даже и въ настоящую минуту правой рукой Тьера является Ганеско, валашскій плуть, а лѣвой—Марковскій. Коммуна предоставила всѣмъ иностранцамъ честь умереть за безсмертное дѣло. Буржуазія успѣла въ промежутокъ между внѣшнею войною вызванной ея заговоромъ съ чужеземнымъ завоевателемъ, показать свой патріотизмъ полицейскою травлей противъ нѣмцевъ по всей Франціи. Коммуна назначила нѣмца министромъ общественныхъ работъ

И Тьеръ, и буржуазія, и Вторая Имперія постоянно обманывали поляковъ громогласными выраженіями своего сочувствія, на дѣлѣ предавая поляковъ. Коммуна почтила геройскихъ сыновъ Польши, поставивъ ихъ во главѣ защитниковъ Парижа. Чтобы рѣзче отгнать новую историческую эру, которую она сознательно открывала собой, Коммуна передъ лицомъ пруссаковъ-побѣдителей съ одной стороны и бонапартовской арміи съ бонапартовскими генералами во главѣ съ другой, низвергла колоссальный символъ военной славы—Вандомскую колонну.

Великимъ социальнымъ мѣропріятіемъ Коммуны было ея собственное существованіе, ея работы. Отдѣльныя мѣры, предпринимавшіяся ею, могли обозначить только направленіе, въ которомъ разви-

вається управління народа посредствомъ самого народа. Къ числу ихъ принадлежали: запрещеніе ночной работы пекарей; запрещеніе, подѣ страхомъ наказанія, понижать заработную плату наложеніемъ штрафовъ на рабочихъ подѣ всевозможными предлогами—обычный пріемъ работодателей, которые, соединяя въ своемъ лицѣ законодательную, судебную и исполнительную власти, кладутъ штрафныя деньги себѣ въ карманъ. Подобной же мѣрой была и передача рабочимъ товариществамъ всѣхъ мастерскихъ и фабрикъ, владѣльцы которыхъ бѣжали или пріостановили работы, съ предоставленіемъ имъ права на вознагражденіе.

Финансовыя мѣры Коммуны отличались разсчетливостью и умѣренностью; она должна была ограничиться только мѣрами, совмѣстными съ осаднымъ положеніемъ города. Подѣ управленіемъ Османа *), Парижъ такъ обкрадывали банкирскія компании и предприниматели построекъ, что Коммуна имѣла значительно большія права конфисковать ихъ имущества, чѣмъ Луи Бонапартъ имущество Орлеановъ. Гогенцолерны и англійскіе алегархи, большая часть богатствъ которыхъ состоитъ изъ нагребленныхъ церковныхъ имуществъ, были сильно возмущены Коммуной которая получила отъ конфискаціи церковныхъ имуществъ всего только 8000 франковъ.

Версальское правительство, какъ только оно немного пріободрилось и окрѣпло, стало принимать противъ Коммуны самыя насильственныя мѣры; оно давило во всей Франціи всякое свободное выраженіе мнѣній, запретило даже собранія делегатовъ большихъ городовъ, оно завело шпіоновъ въ Версали и во всей Франціи и при томъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ при Второй Имперіи; его жандармы—инквизиторы сжигали всѣ издававшіяся въ Парижѣ газеты, вскрывали всѣ письма изъ Парижа и въ Парижъ; Національное Собраніе на самую робкую попытку сказать слово въ защиту Парижа отвѣчало неистовымъ воемъ, несслыханнымъ даже въ помѣщичьей палатѣ—*Chambre introuvable* 1816 года. Версальцы не только вели кровожадную войну противъ Парижа, но еще старались подкупамъ и заговорами проникнуть въ него. Могла ли Коммуна при такихъ условіяхъ, не измѣняя позорно своему призванію, соблюдать, какъ при глубокомъ мирѣ, условныя формы либерализма? Если бы правительство Коммуны было таково-же по духу, какъ и пра-

*) Баронъ Османъ (Hausmann) былъ во время второй Имперіи префектомъ сенскаго департамента, т. е. города Парижа. Провелъ рядъ работъ по проложенію новыхъ улицъ и проч., въ цѣляхъ облегченія борьбы съ рабочими возстаніями.

Примѣч. ред. русс. пер.

вительство Тьера, то не было бы причинъ запрещать газеты „партіи порядка“ въ Парижѣ и газеты Коммуны въ Версали.

Естественно, что депутаты „помѣщичьей палаты“ бѣснлись, когда въ то время, какъ они объявляли единственнымъ средствомъ для спасенія Франціи возвращеніе въ лоно церкви, невѣрующая Коммуна раскрывала тайны женскаго монастыря Пиклуса и церкви св. Лаврентія. Развѣ это не было ѣдкой сатирой на Тьера, сыпавшаго кресты почетнаго Легіона на генераловъ Бонапарта за ихъ отличное умѣнье проигрывать сраженія, подписывать капитуляціи и дѣлать папиросы въ Вильгельмскоѣ, что Коммуна смѣняла и арестовывала своихъ генераловъ при малѣйшемъ подозрѣніи въ небрежномъ исполненіи своихъ обязанностей. Развѣ это не было пощечиной фабриканту фальшивыхъ документовъ Жюлю Фавру, министру иностранныхъ дѣлъ Франціи, продавшему ее Бисмарку, диктовавшему приказы несравненному бельгійскому правительству, если Коммуна смѣстила и арестовала одного изъ членовъ своихъ, который вкрался въ нее подъ вымышленнымъ именемъ послѣ 6-ти дней ареста въ Ліонѣ за банкротство! Но Коммуна за то не претендовала на непогрѣшимость, какъ это дѣлали всѣ старыя правительства безъ исключенія. Она опубликовывала всѣ рѣчи своихъ засѣданій, оглашала всѣ свои дѣйствія; она посвящала публику во всѣ свои несовершенства.

Всякая революція выдвигаетъ рядомъ съ истинными ея представителями еще и людей другого покроя. Таковы, съ одной стороны, люди, игравшіе выдающуюся роль въ прежнихъ революціяхъ, сросшіеся съ ними и потому не понимающіе смысла настоящаго движенія, но не смотря на это имѣющіе громадное вліяніе на народъ, благодаря своему мужеству, личному характеру или просто традиціи; таковы съ другой стороны, простые крикуны, изъ года въ годъ повторяющіе свои стереотипныя нападки на существующее правительство и получающіе поэтому имя революціонеровъ высшей пробы. Такіе люди появились и послѣ 18-го марта. Имъ случалось играть и первоклассную роль и, насколько они были въ силахъ, они задерживали истинное движеніе рабочаго класса, какъ раньше они мѣшали полному развитію всѣхъ прежнихъ революцій. Они—неизбѣжное зло; отъ нихъ можно освободиться только со временемъ, но этого то времени Коммуна и не имѣла.

Коммуна какимъ-то чудомъ преобразила Парижъ. Распутный Парижъ второй Имперіи безслѣдно исчезъ. Столица Франціи перестала быть сборнымъ пунктомъ для британскихъ крупныхъ позе-

мельныхъ собственниковъ, ирландскихъ абсентеистовъ, американскихъ эксъ-рабовладѣльцевъ и выскочекъ, русскихъ эксъ-крѣпостниковъ и валашихскихъ бояръ. Въ Моргѣ ни одного трупа, нѣтъ ночныхъ грабежей, почти ни одной кражи. Съ февраля 48-го года улицы Парижа въ первый разъ стали безопасными, хотя на нихъ не было ни одного полицейскаго. „Мы уже не слышимъ,—говорилъ одинъ изъ членовъ Коммуны,—ни объ убійствахъ, ни о грабежахъ, ни о преступленіяхъ противъ личностей; можно думать, что полиція увезла съ собой въ Версаль всѣхъ консервативныхъ друзей своихъ“. Кокотки послѣдовали за своими покровителями, за этими обратившимися въ бѣгство столпами семьи, религіи и особенно собственности. Ихъ мѣсто заняли снова истинныя парижанки, такія-же героическія, великодушныя и самоотверженныя какъ женщины классической древности. Трудящійся, мыслящій, борющійся, истекающій кровью но сіяющій вдохновеннымъ сознаніемъ своей исторической инициативы Парижъ почти забывалъ о людоедахъ, стоявшихъ передъ его стѣнами, всецѣло отдавшись строенію новаго общества.

И лицомъ къ лицу съ этимъ новымъ міромъ Парижа стоялъ старый міръ Версаля—это собраніе отрепьевъ всѣхъ отжившихъ порядковъ—легитимистовъ и орлеанистовъ, жаждающихъ растерзать трупъ народа,—съ хвостомъ изъ допотопныхъ республиканцевъ, поддерживавшихъ въ національномъ собраніи рабовладѣльческой бунтъ; они надѣялись, что благодаря тщеславію стараго орлекина, находившагося во главѣ правленія, они отстоятъ, парламентскую свою республику; они занимались тѣмъ, что пародировали 1789-ый годъ своими таинственными собраніями въ Ieu de Paume (залъ для игры въ мячъ, гдѣ національное собраніе 1789-го года приняло свои знаменитыя рѣшенія). Это собраніе, этотъ трупъ, представляющій собою всю отжившую Францію, продолжало жить призрачной жизнью, благодаря исключительно саблямъ генераловъ Бонапарта, которыя были для него подпорою. Парижъ, весь—истина; Версаль, весь—ложь; и глашатаемъ этой лжи былъ Тьеръ.

Тьеръ обратился къ депутаціи мэровъ департамента Сены и Уазы съ слѣдующими словами; „Вы можете довѣриться моему слову; я *никогда* не нарушалъ его“ Онъ говорилъ собранію, что „оно самое либеральное и наиболѣе свободно избранное изъ всѣхъ собраній, которыя Франція когда либо имѣла“; своему разношерстному воинству онъ говорилъ, что оно—„чудо міра“ и „наилучшая изъ армій, которую когда либо имѣла Франція“; провинціямъ,—что бомбардировка Парижа—только сказка: „если и упало нѣсколько

бомбъ, то онѣ были пущены не версальской арміей, а инсургентами, которые хотѣли показать, что они сражаются, хотя на самомъ дѣлѣ они боялись носъ показать“. Позже онъ объявлялъ провинціямъ: „версальская артиллерія не бомбардируетъ Парижа, а только стрѣляетъ въ него изъ пушекъ“. Парижскому архіепископу онъ говорилъ, что всѣ разстрѣливанія и репрессивныя мѣры, въ которыхъ обвиняютъ версальцевъ, — одна ложь. Онъ объявилъ Парижу, что хочетъ „только освободить его отъ угнетающихъ его отвратительныхъ тирановъ“ и что коммунальный Парижъ есть, „не больше и не меньше, какъ кучка преступниковъ“.

Парижъ Тьера не былъ дѣйствительнымъ Парижемъ „подлой черни“, онъ былъ фантастическимъ Парижемъ, Парижемъ шулеровъ, Парижемъ бульварныхъ завсегдатаевъ обоого пола, богатымъ, капиталистическимъ, позолоченнымъ, тунеядствующимъ Парижемъ; тѣмъ Парижемъ, который со своими лакеями, жуликами, кокотками, литераторской богемой наполнялъ теперь Версаль, Сень-Дени, Рюэль и Сень-Жермень, который считалъ междуусобную войну только интересной интермедіей, который въ подзорную трубу любовался битвой, вель счетъ пушечнымъ выстрѣламъ и клялся честью своей и своихъ публичныхъ женщинъ, что спектакль здѣсь гораздо лучше, чѣмъ въ театрѣ Porte st. Maçin. Вѣдь убитые дѣйствительно были убиты, крики раненыхъ не были поддѣльны и драма, происходившая передъ ними была всемірно-историческою драмою.

Таковъ былъ Парижъ Тьера, точно такъ же, какъ Кобленцкая эмиграція были Франціей де-Калона.

IV.

Только изъ-за отказа Бисмарка не удалась первая попытка рабовладѣльческаго заговора покорить Парижъ, занявъ его прусскими войсками. Вторая попытка, сдѣланная 18 го марта, окончилась пораженіемъ арміи и бѣгствомъ правительства въ Версаль, куда за нимъ послѣдовала и вся администрація. Прикрываясь мирными переговорами съ Парижемъ, Тьеръ выигрывалъ время для приготовленія къ войнѣ съ нимъ. Но гдѣ ему было взять армію? Остатки линейныхъ баталіоновъ были малочислены, а настроеніе ихъ сомнительное; на настойчивыя воззванія Тьера къ провинціямъ помочь Версалю національной гвардіей и волонтерами, ему отвѣтили открытымъ отказомъ. Только

Бретань послала кучку шуановъ, которые сражались подъ бѣлымъ знаменемъ съ сердцемъ Христа въ ладанкѣ на груди; ихъ боевой кличь былъ: „Да здравствуетъ король“! Такимъ образомъ, Тьеръ могъ только наскоро собрать разношерстную толпу матросовъ, морскихъ солдатъ, напскихъ зуавовъ, жандармовъ Валянтэна, полицейскихъ Піэтри и шпионовъ. Если бы не постепенно прибывавшіе имперіалистскіе военноплѣнные, которыхъ Бисмаркъ отпускалъ въ обмѣнъ на прусскихъ плѣнныхъ въ такомъ количествѣ, чтобы могла начаться междуусобная война, съ одной стороны, и чтобы можно было держать Версаль въ рабской зависимости отъ Пруссіи, съ другой стороны, если бы не эти плѣнные, армія Тьера была бы ничтожна до смѣшного. Версальская полиція должна была во время этой войны наблюдать за версальской арміей, а жандармы должны были всегда увлекать за собою „ту армію, становясь на самые опасные пункты. Павшіе форты были не завоеваны, а куплены. Геройство коммунаровъ показало Тьеру, что для преодоленія сопротивленія Парижа недостаточно ни его стратегическаго гения, ни находящагося въ его распоряженіи количества штыковъ. Между тѣмъ, его отношенія къ провинціямъ становились все болѣе натянутыми. Въ Версали не получили ни одного сочувственнаго адреса, который могъ бы хоть сколько нибудь ободрить Тьера и его помѣщиковъ. Наоборотъ, со всѣхъ сторонъ прибывали депутаты и адреса, настаивавшіе далеко не въ почтительномъ тонѣ, на примиреніи съ Парижемъ,—на основѣ недвусмысленнаго признанія республики, утвержденія коммунальныхъ свободъ и распущенія Національнаго Собранія, срокъ полномочій котораго уже истекъ. Депутацій и адресовъ появлялось столько, что Дюфоръ, министръ юстиціи у Тьера, приказалъ государственнымъ прокурорамъ, въ циркулярѣ отъ 23-го апрѣля, считать „воззванія къ примиренію“ преступленіемъ. Видя безнадежность похода противъ Парижа, Тьеръ рѣшилъ перемѣнить тактику и назначилъ на 30-ое апрѣля муниципальные выборы для всей страны по новому закону, навязанному имъ Національному Собранію. Дѣйствуя то интригами своихъ префектовъ, то угрозами своей полиціи, онъ былъ увѣренъ, что выборы въ провинціяхъ дадутъ Національному Собранію такую нравственную силу, которой оно никогда не имѣло; онъ надѣялся также, что провинціи дадутъ ему матеріальную силу для покоренія Парижа.

Свою разбойничью войну противъ Парижа, восхваляемую въ его собственныхъ бюллетеняхъ, и попытки его министровъ устано-

вить терроръ во всей Франціи, онъ рѣшилъ дополнить маленькой комедіей примиренія, которая должна была служить нѣсколькимъ цѣлямъ: она должна была обмануть провинцію, привлечь къ нему парижскій средній класъ, и, главное, дать возможность мнимымъ республиканцамъ Національнаго Собранія прикрыть довѣріемъ къ Тьеру свою измѣну по отношенію къ Парижу. 21-го марта, когда у Тьера еще не было арміи, онъ сказалъ передъ Національнымъ Собраніемъ: „Будь, что будетъ, а я не пошлю войска въ Парижъ“. 27-го марта онъ объявилъ: „Я вступилъ въ должность, когда республика была уже совершившимся фактомъ, и я твердо рѣшилъ охранять ее“. Въ дѣйствительности же онъ именемъ республики подавлялъ революцію въ Ліонѣ и въ Марселѣ, а его „помѣщики“, слышавъ слово „республика“, заглушали его воемъ. Послѣ этого онъ совершившійся фактъ сталъ считать лишь предлагаемымъ фактомъ. Орлеанскіе принцы, которыхъ онъ изъ предосторожности выжилъ изъ Бордо, теперь интриговали въ Дре, открыто нарушая законъ. Условія, о которыхъ Тьеръ говорилъ въ своихъ безконечныхъ совѣщаніяхъ съ парижскими и провинціальными депутатами, — какъ ни противорѣчивы были его заявленія по тону и оттѣнку — всегда сводились къ тому, что необходимо отмстить „той кучкѣ преступниковъ, которые виновны въ убійствѣ Клемансо Тома и Леконта“. Конечно, при этомъ само собою подразумѣвалось, что Парижъ и Франція считаютъ самого Тьера — лучшею республикою, подобно тому, какъ Тьеръ въ 30 г. признавалъ наилучшей республикой — Луи Филиппа. Но даже въ этихъ условіяхъ можно было сомнѣваться, въ виду тѣхъ официальныхъ толкованій, которыя давались имъ его министрами въ Національномъ Собраніи; но не удовлетворяясь этимъ, онъ дѣйствовалъ еще черезъ Дюфора. Старый орлеанскій адвокатъ Дюфоръ постоянно при осадномъ положеніи игралъ роль верховнаго судьи, какъ теперь, въ 1871 г. при Тьерѣ, такъ и въ 1839 г. при Луи Филиппѣ и въ 1849 г. во время президенства Луи Бонапарта. Когда онъ не занималъ должности министра, онъ обогащалъ себя, защищая парижскихъ капиталистовъ, а нападая на законы, изданные имъ же, онъ пріобрѣлъ имя политическаго дѣятеля. Не довольствуясь проведеніемъ черезъ Національное Собраніе ряда репрессивныхъ законовъ, которые должны были въ случаѣ паденія Парижа уничтожить тамъ послѣдніе остатки республиканской свободы, — онъ какъ бы указывалъ на будущую участь Парижа слѣдующей мѣрой: дѣлопроизводство военныхъ судовъ казалось ему чрезчуръ

длинной процедурой, онъ сократилъ ее и издалъ новый драконовскій законъ о ссылкѣ. Революція 1849 года, уничтоживъ смертную казнь за политическія преступленія, замѣнила ее ссылкой. Луи-Бонапартъ не рѣшился, по крайней мѣрѣ, открыто возстановить гильотину. Версальскому помѣщичьему собранію, которое еще не осмѣливалось даже намекнуть, что парижане въ его глазахъ, не бунтовщики, а разбойники, пришлось пока ограничиться въ своей мести противъ Парижа новымъ дюферовскимъ закономъ о ссылкѣ. При такихъ обстоятельствахъ Тьеръ не могъ бы долго тянуть свою комедію примиренія, да къ тому же эта комедія вызвала—чего онъ въ сущности и желалъ—бѣшенную ярость помѣщиковъ, которые, изъ-за своего тупоумія, не могли понять ни игры его, ни необходимости его лицемѣрія, притворства и сдержанности.

Въ виду муниципальных выборовъ, имѣвшихъ быть 30-го апрѣля, Тьеръ разыгралъ 29-го апрѣля одну изъ своихъ сценъ примиренія; среди массы сантиментальныхъ фразъ, онъ между прочимъ, воскликнулъ съ трибуны Національнаго Собранія: „Существуетъ только одинъ заговоръ противъ республики—парижскій заговоръ, вынуждающій насъ проливать французскую кровь. Но я повторяю еще и еще разъ: пусть сложатъ свое нечестивое оружіе тѣ, которые его подняли, и мы, остановивъ мечъ правосудія, заключимъ мирный договоръ, изъ котораго будетъ исключена только кучка преступниковъ“. Въ отвѣтъ на крики помѣщиковъ, перебивавшихъ его рѣчь, онъ сказалъ: „Скажите мнѣ, г.г., убѣдительно прошу васъ, развѣ я не правъ? Развѣ вы, дѣйствительно, жалѣете, что я могъ сказать по справедливости, что преступниковъ только кучка? Развѣ среди нашихъ бѣдствій вы не почтете счастьемъ, что люди, которые были способны пролить кровь Леконта и Клемансо Тома; являются рѣдкимъ исключеніемъ“?

Однако, Франція оставалась глуха къ рѣчамъ Тьера, льстившаго себя надежной плѣнить всѣхъ плѣніемъ сирены. Изъ 700,000 муниципальных совѣтниковъ, выбранныхъ въ оставшихся французскими 35,000 общинъ, легитимисты, орлеанисты и бонапартисты не могли вмѣстѣ провести даже 8,000 своихъ приверженцевъ. Дополнительные выборы и перебаллотировки привели къ результатамъ еще болѣе враждебнымъ правительству Тьера. Національное Собраніе не только не получило необходимой ему матеріальной поддержки отъ провинцій, но потеряло послѣднее право на роль нравственной силы: право служить выраженіемъ всеобщей подачи голосовъ Франціи. Въ довершеніе пораженія вновь избранные муници-

пальные совѣтники всѣхъ французскихъ городовъ угрожали узурпировавшему власть версальскому собранію контръ-собраніемъ въ Бордо.

Для Бисмарка настала тогда долгожданная минута энергичнаго вмѣшательства. Тономъ повелителя онъ приказалъ Тьеру немедленно прислать во Франкфуртъ уполномоченныхъ для окончательнаго заключенія мира. Унижено и покорно поспѣшили Тьеръ исполнить приказаніе своего хозяина и господина, и послалъ во Франкфуртъ вѣрнаго ему Жюля Фавра и Пуйе Кертъе. Пуйе Кертъе — „извѣстный“ руанскій хлопчато-бумажный фабрикантъ, горячій, даже холопскій сторонникъ Второй Имперіи, не видѣвшій въ ней ничего сквернаго, кромѣ торговаго договора съ Англіей, который вредилъ интересамъ его, какъ фабриканта. Какъ только Тьеръ еще въ Бордо назначилъ его министромъ финансовъ, онъ началъ нападать на этотъ „несчастный“ договоръ, намекать на то, что онъ будетъ скоро уничтоженъ и былъ настолько безстыденъ, что попробовалъ (хотя и безуспѣшно, такъ какъ не спросилъ разрѣшенія Бисмарка) снова ввести старья протекціонныя пошлины противъ Эльзаса, чему, по его словамъ, не мѣшали тогда никакіе еще международные договоры. Этотъ человекъ, смотрѣвшій на контръ-революцію, какъ на средство пониженія заработной платы въ Руанѣ, а на уступку французскихъ провинцій, какъ на средство повысить цѣны на свои товары во Франціи, былъ достойнымъ товарищемъ Жюля Фавра въ послѣдней, увѣнчавшей все его дѣло, измѣнѣ.

Когда эта милая пара уполномоченныхъ пріѣхала во Франкфуртъ, Бисмаркъ по солдатски, какъ обыкновенно, скомандовалъ: „или возстановленіе имперіи, или безприкословное принятіе моихъ условій мира!“ Условія его состояли въ сокращеніи сроковъ уплаты военной контрибуціи и занятіи парижскихъ фортовъ прусскими войсками до тѣхъ поръ, пока Бисмаркъ не будетъ имѣть основаній быть довольнымъ положеніемъ дѣлъ во Франціи. Такимъ образомъ, Пруссія была признана верховнымъ судьей внутреннихъ дѣлъ Франціи. Зато онъ выразилъ полную готовность отпустить изъ плѣна бонапартскую армію для истребленія Парижа и, въ случаѣ нужды, подкрѣпить ее войсками императора Видьгельма. Въ залогъ того, что сдержитъ свое слово, онъ отстрочилъ уплату первой части контрибуціи до „умиротворенія“ Парижа. Тьеръ и его уполномоченные набросились, конечно, на такую приманку съ жадностью. 10-го мая они подписали договоръ и уже 21-го мая онъ былъ, благодаря ихъ стараніямъ, утвержденъ Національнымъ Собраніемъ.

Въ промежутокъ времени, отъ заключенія мира до возвращенія изъ плѣна бонапартовскихъ войскъ, Тьеръ, болѣе чѣмъ когда-либо, находилъ нужнымъ продолжать свою комедію примиренія. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что его республиканскіе приспѣшники крайне нуждались въ подходящемъ предлогѣ, чтобы смотрѣть сквозь пальцы на приготовленія къ войнѣ съ Парижемъ. Еще 8-го мая онъ отвѣчалъ депутатамъ средняго класса, пришедшимъ уговаривать его примириться: „Какъ только инсургенты согласятся на капитуляцію, ворота Парижа будутъ на недѣлю открыты для всѣхъ, кромѣ убійць генераловъ Леконта и Клемана Тома“.

Нѣсколько дней спустя, когда „помѣщики“ потребовали отъ него объясненія по поводу этого обѣщанія, онъ уклонился отъ оту вѣта, но многозначительно замѣтилъ: „Говорю вамъ, что между нами есть нетерпѣливые люди, которые слишкомъ уже спѣшатъ. Пусть потерпятъ еще недѣлю; въ концѣ недѣли уже не будетъ никакой опасности и задача будетъ какъ разъ по силамъ ихъ рѣшимости и способностямъ“, Какъ только Макъ-Могонъ смогъ дать ему обѣщаніе, что онъ вскорѣ вступитъ въ Парижъ, Тьеръ заявилъ Національному Собранію, что онъ „войдетъ въ Парижъ съ *закономъ* въ рукахъ и заставитъ мерзавцевъ, пролившихъ кровь солдатъ и разрушившихъ публичные памятники, заплатить за свои преступленія“. Когда наступила рѣшительная минута, онъ заявилъ Національному Собранію, что онъ „не дастъ пощады“ Парижу, что приговоръ его уже произнесенъ; а своимъ бонапартовскимъ, разбойникамъ—что правительство позволяетъ имъ мстить Парижу сколько имъ угодно. Наконецъ, когда измѣна открыла 21-го мая генералу Дуэ ворота Парижа, Тьеръ открылъ 22-го мая своимъ „помѣщикамъ“ „цѣль“ своей комедіи примиренія, которой они такъ упорно не хотѣли понять. „Я говорилъ вамъ нѣсколько дней тому назадъ, что мы приближаемся къ цѣли; сегодня я пришелъ сказать вамъ, что мы достигли ея. Порядокъ, справедливость и цивилизація, наконецъ, одержали побѣду!“

Да, это была побѣда. Цивилизація и справедливость буржуазнаго порядка выступаютъ въ своемъ истинномъ, полномъ ужаса, свѣтѣ, когда рабы этого порядка встаютъ противъ господъ.

Тогда эта цивилизація и эта справедливость являются неприкрытымъ ничѣмъ варварствомъ и незаконной местию. Каждый новый кризисъ въ классовой борьбѣ производящихъ богатство съ присвоющими его показываетъ этотъ фактъ все съ большей яркостью. Передъ небывалыми ужасами 1871 года блѣднѣютъ даже

мерзости буржуазіи въ 1848 году. Самоотверженіе, съ которымъ весь парижскій народъ—мужчины, женщины и дѣти—еще цѣлю недѣлю сражался послѣ того, какъ версальцы ворвались въ городъ, отражаетъ величіе его дѣла такъ же ярко, какъ звѣрскіе подвиги солдатчины отражаютъ весь духъ той цивилизаціи, наемными защитниками, и мстителями за которую они были; цивилизаціи, которая послѣ окончанія битвы стояла передъ задачей, куда дѣвать массы труповъ убитыхъ ею людей. По истинѣ, великая цивилизація!

Чтобы найти что-либо похожее на поведеніе Тьера и его палачей, надо вернуться ко временамъ Суллы и римскихъ триумвиратовъ. То же хладнокровное массовое избіеніе людей; то же безразличное отношеніе палачей къ полу возрасту жертвъ; та же пытка плѣнныхъ; тѣ же гоненія, только на этотъ разъ уже противъ цѣлаго класса; та же дикая травля скрывшихся вождей, чтобы никто изъ нихъ не спасся; тѣ же доносы на политическихъ и личныхъ враговъ; то же равнодушное избіеніе людей, совершенно непричастныхъ къ борьбѣ. Разница только въ томъ, что римляне не имѣли митральезъ, чтобы растрѣливать плѣнныхъ толпами, что у нихъ не было „въ рукахъ закона“, а на устахъ слова „цивилизация“.

Наряду съ этими звѣрствами, посмотрите теперь на другую, еще болѣе омерзительную сторону этой буржуазной цивилизаціи описанную ея собственною печатью.

Парижскій корреспондентъ одного лондонскаго консервативнаго журнала пишетъ: „Вдали раздаются еще выстрѣлы; раненые, брошенные на произволъ судьбы, умираютъ между памятниками кладбища Pége Lachaise; 6000 инсургентовъ въ предсмертной борьбѣ отчаянія бродятъ, заблудившись въ лабиринтахъ катакомбъ; по улицамъ гонятъ толпы несчастныхъ, чтобы разстрѣлять ихъ митральезами. Возмутительно видѣть въ такую минуту, какъ различные господа увеселяютъ себя въ кафе, попивая абсентъ, играя на билліардѣ и въ домино, а кокетки нагло разгуливаютъ по бульварамъ; возмутительно слышать, какъ громкіе крики оргій, раздающіеся изъ отдѣльныхъ кабинетовъ богатыхъ ресторановъ, нарушаютъ ночную тишину!“ Г. Эдуардъ Гервэ пишетъ въ „Journal de Paris“, версальской газетѣ, запрещенной Коммуной: „форма, въ которой парижское населеніе (!) вчера выражало свою радость, дѣйствительно болѣе, чѣмъ легкомысленна, и мы боимся, что дальше будетъ еще хуже. Парижъ имѣетъ праздничный видъ, что совершенно неумѣстно; если мы не хотимъ заслужить имени парижанъ „временъ упадка“, то надо это прекратить“. Затѣмъ онъ проводитъ выдержку изъ Тацита:

„И вот на слѣдующее же утро послѣ этой ужасной борьбы и даже раньше, чѣмъ она была совершенно закончена, униженный и развращенный Римъ снова опустился въ то болото распутства, которое разрушало его тѣло и оскверняло его душу—*alibi proelia et vulneta, alibi balnea poripaeque* (здѣсь битвы и раны, тамъ бани и рестораны)“ Г. Гервэ только забываетъ, что то „парижское населеніе“, о которомъ онъ говоритъ, есть только населеніе тьеровскаго Парижа, Парижа шулеровъ, набѣжавшихъ толпами изъ Версаля, Сень-Дени, Рюэля и Сень-Жермена; это дѣйствительно „Парижъ время упадка“.

Эта позорная цивилизація, основанная на рабствѣ труда, при каждомъ кровавомъ триумфѣ заглушаетъ крики своихъ жертвъ самоотверженныхъ борцовъ за новое лучшее общество, воемъ травли и клеветы, которая отдается эхомъ во всѣхъ концахъ свѣта. Веселый Парижъ рабочихъ, время Коммуны, превращается внезапно, подъ руками этихъ алчущихъ крови сторожевыхъ псовъ „порядка“ въ какой то адъ. Что говоритъ это чудовищное превращеніе разсудку буржуазіи всѣхъ странъ? Только то, что Коммуна устроила заговоръ противъ цивилизаціи! Парижскій народъ съ воодушевленіемъ жертвуетъ собою за Коммуну; ни въ одной изъ происходившихъ до сихъ поръ битвъ не было столько убитыхъ. Что это значитъ? Только то, что Коммуна эта была не правительствомъ народа, а насильственнымъ захватомъ власти кучкой преступниковъ! Парижскія женщины съ радостью умираютъ и на баррикадахъ и на мѣстѣ казни. Что это значитъ? Только то, что злой духъ Коммуны сдѣлалъ изъ нихъ Мегеръ и Гекать! Умѣренность Коммуны во время ея двухмѣсячнаго полного господства можетъ сравниться только съ геройскимъ мужествомъ ея защиты. Что это значитъ? Только то, что Коммуна для того въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и скрывала подъ личиной умѣренности и гуманности свою дьявольскую кровожадность, чтобы дать ей свободно вылиться во время предсмертной агоніи!

Рабочій Парижъ въ своемъ геройскомъ самопожертвованіи предалъ огню зданія и памятники. Когда поработители пролетаріата рвутъ на куски его живое тѣло, то пусть они не надѣются ликующе вернуться въ свои неповрежденныя жилища. Версальское правительство кричитъ: поджогъ! и нашептываетъ своимъ прихвостнямъ вплоть до самыхъ далекихъ деревень такой лозунгъ: „травите всѣхъ моихъ враговъ, какъ простыхъ поджигателей“. Буржуазія всего міра наслаждается массовымъ убійствомъ людей *послѣ* битвы, и она же возмущается, когда „осквернять“ частныя жилища!

Когда правительства даютъ своимъ военнымъ флотамъ официальное разрѣшеніе „убивать, жечь и разрушать“, есть ли это разрѣшеніе поджоговъ? Когда англійскія войска умышленно сожгли Капитолій въ Вашингтонѣ и лѣтній дворецъ китайскаго императора—быль ли это поджогъ? Когда Тьеръ въ теченіе шести недѣль бомбардировалъ Парижъ, увѣряя, что желаетъ разрушить только тѣ дома, въ которыхъ есть люди, былъ ли это поджогъ? На войнѣ огонь—вполнѣ законное оружіе. Зданія, которыя занялъ непріятель, бомбардируютъ, чтобы ихъ сжечь. Когда обороняющимся приходится оставить эти зданія, они сами ихъ поджигаютъ, чтобы нападающіе не могли укрѣпиться въ нихъ. Неизбѣжная судьба всѣхъ зданій, мѣшающихъ какой бы то ни было регулярной арміи,—быть сожженными. Но въ войнѣ рабовъ противъ ихъ угнетателей въ этой единственной правомѣрной войнѣ, какую только знаетъ исторія, такой поступокъ считаютъ, видите-ли, преступленіемъ! Коммуна пользовалась огнемъ, какъ средствомъ обороны въ самомъ строгомъ смыслѣ слова; она воспользовалась имъ чтобы не допустить версальскихъ войскъ въ тѣ длинныя, прямыя улицы, которыя Османъ предусмотрительно приспособилъ для артиллерійскаго огня; она воспользовалась имъ, чтобы прикрыть свое отступление, такъ же, какъ версальцы, наступая, посылали впередъ себя гранаты, которыя разрушили домовъ не меньше, чѣмъ огонь Коммуны. Еще до сихъ поръ остается спорнымъ вопросъ, какія зданія зажжены были наступающими, какія—оборонявшимися. Да и оборонявшіеся только тогда стали пользоваться огнемъ, когда версальскія войска уже начали свои массовыя избиенія плѣнныхъ. Къ тому же Коммуна открыто объявила заранѣе, что если ее доведутъ до крайности, то она похоронитъ себя подъ развалинами Парижа и сдѣлаетъ изъ Парижа вторую Москву; такое же обѣщаніе давало раньше и правительство народной обороны, но конечно, только для того, чтобы замаскировать свою измѣну. Для этого Трошю и приготовилъ запасъ керосина. Коммуна знала, что враги ея очень мало интересовались парижскимъ народомъ, но очень дорожили своими домами въ Парижѣ. А Тьеръ, съ своей стороны, объявилъ, что онъ будетъ мстить безпощадно. Когда, съ одной стороны, армія его была уже готова къ бою, а съ другой, пруссаки запирали всѣ выходы, онъ воскликнулъ: „я буду безпощаденъ! Искупленіе должно быть полное, судъ строгій!“ Если парижскіе рабочіе поступали, какъ вандалы, то это былъ вандализмъ отчаянной обороны, а не вандализмъ торжествующихъ побѣдителей; это былъ тотъ

вандализмъ, въ которомъ повинны и христіане, истребившіе дѣйствительно безцѣнные памятники искусства древняго языческаго міра; и даже этотъ вандализмъ исторія оправдала, потому что онъ былъ неизбежнымъ и сравнительно незначительнымъ моментомъ въ колоссальной борьбѣ новаго, нарождавшагося общества съ разлагавшимся старымъ. И уже всего менѣе походилъ поступокъ Коммуны на вандализмъ Османа, уничтожившій историческій Парижъ, чтобы очистить мѣсто Парижу проходимцевъ.

А произведенныя Коммуной казни шестидесяти четырехъ заложниковъ, въ томъ числѣ парижскаго архіепископа! Въ іюнѣ 1848 года буржуазія и ея армія возстановили давно уже исчезнувшій военный обычай разстрѣливанія беззащитныхъ плѣнныхъ. Послѣ чего этотъ звѣрскій обычай болѣе или менѣе часто практиковался при всѣхъ расправахъ съ народными возстаніями въ Европѣ и Индіи, что ясно доказываетъ, что онъ является дѣйствительнымъ „прогрессомъ цивилизаціи!“ Съ другой стороны, пруссаки во Франціи снова ввели обычай брать заложниковъ—ни въ чемъ неповинныхъ людей, которые своею жизнью должны были отвѣчать за дѣйствія другихъ. Когда Тьеръ, какъ мы видѣли, еще въ началѣ войны ввелъ гуманный обычай разстрѣливанія плѣнныхъ коммунаровъ, Коммунѣ не осталось больше никакихъ средствъ для спасенія жизни этихъ плѣнныхъ, какъ прибѣгнуть къ прусскому обычаю брать заложниковъ. Какъ же можно было еще долѣе щадить ихъ жизнь, послѣ той кровавой бани, которою преторіанцы Макъ-Магона отпраздновали свое вступленіе въ Парижъ? Неужели и послѣдняя защита отъ неостанавливавшагося ни передъ чѣмъ звѣрства буржуазіи—взятіе заложниковъ—должна была остаться только шуткою? Истинный убійца архіепископа Дарбуа—Тьеръ. Коммуна нѣсколько разъ предлагала обмѣнять архіепископа и многихъ другихъ священниковъ на одного только Бланки, котораго такъ крѣпко держалъ Тьеръ. Но послѣдній упорно отказывался отъ этой мѣны. Онъ зналъ, что въ лицѣ Бланки онъ даетъ Коммунѣ голову, архіепископъ гораздо болѣе будетъ полезенъ ему, когда будетъ... трупомъ. Въ этомъ случаѣ Тьеръ подражалъ Кавеньяку. Какъ были возмущены въ іюнѣ 1848 года Кавеньякъ и его „люди порядка“, когда они обвинили инсургентовъ въ убійствѣ архіепископа Аффра! На дѣлѣ они прекрасно знали, что архіепископъ былъ застрѣленъ солдатами „партіи порядка“. Жакмэ, генеральный викарій архіепископа, сейчасъ же послѣ происшествія публично засвидѣтельствовалъ имъ это.

То, что „партия порядка, послѣ всѣхъ своихъ кровавыхъ оргій распространяла столько сплетенъ о своихъ жертвахъ; доказываетъ лишь, что наши буржуа считаютъ себя законными наслѣдниками древнихъ феодаловъ, которые признавали за собой право употреблять противъ плебеевъ всякое оружіе, но считали преступленіемъ, если плебеи сами брались за какое-бы то ни было оружіе.

Заговоръ господствующаго класса для подавленія революціи при помощи гражданской войны, подъ покровительствомъ чужеземнаго завоевателя, заговоръ, который мы прослѣдили съ сентября до вступленія преторіанцевъ Макъ-Магона, въ ворота Сень-Клу, этотъ заговоръ закончился кровавой бойней въ Парижѣ. Бисмаркъ самодовольно смотритъ на развалины Парижа и, вѣроятно, видитъ въ нихъ „первый шагъ ко всеобщему разрушенію большихъ городовъ вѣдь онъ любилъ мечтать объ этомъ, когда онъ былъ еще только простымъ помѣщикомъ—депутатомъ прусской *Chambre introuvable* 1849 года. Онъ самодовольно любитъ трупамъ парижскаго пролетаріата. Для него это не только искорененіе революціи, но и уничиженіе Франціи, которая теперь, въ самомъ дѣлѣ, обезглавлена и при томъ самимъ же французскимъ правительствомъ. Поверхностный, какъ всѣ преуспѣвающіе государственные мужи, онъ видитъ лишь внѣшнюю сторону этого громаднаго историческаго событія. Развѣ видѣли до сихъ поръ въ исторіи побѣдителя, который рѣшился бы увѣнчать свою побѣду ролью жандарма и наемнаго убійцы въ рукахъ побѣжденнаго правительства? Между Пруссіей и Коммуной не было войны. Наоборотъ, Коммуна согласилась на предварительныя условія мира, и Пруссія объявила нейтралитетъ. Значитъ Пруссія не была воюющей стороной. Она дѣйствовала, какъ подлый наемный убійца, потому что взялась за такое дѣло, которое не представляло для нея никакой опасности,—какъ наемный убійца,—потому что обусловила паденіемъ Парижа уплату ей 500 милліоновъ —этой кровавой цѣны убійства. Вотъ тутъ-то и проявился истинный характеръ войны, которая была послана Провидѣніемъ для наказанія безбожной и развратной Франціи рукой глубококонравленной и набожной Германіи! Это небывалое нарушеніе международнаго права, даже съ точки зрѣнія юристовъ стараго міра, должно было заставить „цивилизованныя“ правительства Европы объявить внѣ законовъ правонарушительницу Пруссію, бывшую простымъ орудіемъ въ рукахъ петербургскаго кабинета, но оно дало имъ только поводъ обсуждать вопросъ,—не выдать ли версальскимъ палачамъ и тѣхъ

немногихъ жертвъ войны, которымъ удалось проскользнуть черезъ двойную цѣпь, окружавшую Парижъ!

Послѣ самой ужасной войны новѣйшаго времени, побѣдившая и побѣжденная арміи соединяются, чтобы вмѣстѣ избивать пролетаріатъ. Такое неслыханное событіе доказываетъ не то, что новое, пробивающее себѣ дорогу общество окончательно поражено, какъ думалъ Бисмаркъ, нѣтъ, оно доказываетъ полнѣйшее разложенеіе стараго буржуазнаго общества. Величайшій героическій подвигъ, на который старый міръ еще былъ способенъ, это народная война; но и она теперь оказывается только чистѣйшей мошеннической продѣлкой правительства; эта продѣлка не имѣетъ никакой другой цѣли, кромѣ отстрочки классовой борьбы, и она сразу летитъ къ чорту, какъ только классовая борьба вспыхиваетъ пожаромъ гражданской войны. Классовое господство уже не можетъ больше прикрываться національнымъ мундиромъ; противъ пролетаріата національныя правительства едино суть!

Послѣ Троицына дня 1871 г. не можетъ уже быть ни мира, ни перемирія между французскими рабочими и присвоителями продукта ихъ труда. Хотя желѣзная рука наемной солдатчины на время и можетъ придавить оба эти класса, но борьба ихъ снова загорится и неизбѣжно будетъ все сильнѣе разгораться, и не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, кто, въ концѣ концовъ, останется побѣдителемъ: немногіе ли присвоители или огромное большинство трудящихся. Французскіе рабочіе являются лишь авангардомъ всего современнаго пролетаріата.

Европейскія правительства подавленіемъ Парижа показываютъ на дѣлѣ международный характеръ классоваго господства, и сами же они вопятъ въ то же время на весь міръ, что главной причиной этого несчастья является международное Товарищество Рабочихъ, т. е. международная контръ-организация труда противъ всемірнаго заговора капитала. Тьеръ обвиняетъ эту организацию въ томъ, что она деспотъ труда и выдаетъ себя за освободителя труда. Пикарь запретилъ всѣ сношенія французскихъ членовъ Интернаціонала съ заграничными членами его. Старикъ, графъ Жоберъ, ставшій уже муміей, бывший соучастникъ Тьера по 1835 году, заявилъ, что каждое правительство должно ставить своей главной задачей искорененіе его. Помѣщики, депутаты Національнаго Собранія поднимаютъ противъ него ревъ, а европейская пресса хоромъ поддерживаетъ ихъ. Одинъ почтенный французскій писатель, ничего общаго не мѣющій съ нашимъ Международнымъ Товариществомъ Рабочихъ,

сказаль о немъ „Члены Центральнаго Комитета національной гвардіи и большая часть членовъ Коммуны—самыя дѣятельныя, ясныя и энергичныя головы Международнаго Товарищества Рабочихъ... Это люди вполнѣ честные, искренніе, умные, полные самоотверженія, чистые и фанатичные въ *лучшемъ* смыслѣ этого слова. Буржуазный разсудокъ, пропитанный полицейщиной, разумѣется, представляетъ себѣ Международное Товарищество рабочихъ въ видѣ какого-то тайнаго заговорническаго общества, центральное правленіе котораго отъ времени до времени назначаетъ возстанія въ разныхъ странахъ. На самомъ же дѣлѣ наше Международное Товарищество Рабочихъ есть лишь международный союзъ, объединяющій передовыхъ рабочихъ разныхъ странъ цивилизованнаго міра. Гдѣ бы ни проявлялась классовая борьба, какіе бы формы она ни принимала, при какихъ бы условіяхъ она ни происходила, каково бы ни было ея содержаніе,—ездѣ на первомъ мѣстѣ стоятъ, само собою разумѣется, члены нашего М. Товарищества Рабочихъ. Та почва, на которой выросло это Товарищество есть самое современное общество. Это товарищество не можетъ быть искоренено, сколько бы крови ни было пролито. Чтобы искоренить его, правительства должны были бы искоренить прежде всего принудительное господство капитала надъ трудомъ, т. е. искоренить условіе своего собственнаго существованія.

Парижъ рабочихъ со своей Коммуной всегда будетъ чествуемъ, какъ славный предвѣстникъ новаго общества. Его мученики воздвигли себѣ памятникъ въ великомъ сердцѣ рабочаго класса. Его палачей исторія уже теперь пригвоздила къ тому позорному столбу, отъ котораго никто не въ силахъ будетъ ихъ оторвать.

